

Авантюрная мелодрама

Литтон
ЛЕОНТЬЕВ

ОГНЕННЫЙ ХОЛОД

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Антон Леонтьев

Огненный холод

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=431932
Антон Леонтьев. Огненный холод: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-40197-0*

Аннотация

Этот отпуск у моря они хотели запомнить надолго. Потом Марина многое бы отдала, чтобы обо всем забыть... Встреча с сынками высокопоставленных родителей закончилась трагически: две ее подружки погибли, а саму Марину вынудили дать подписку о неразглашении. Но через два года она не выдержала, рассказала ту страшную историю жениху-журналисту и... потеряла любимого, которому удалось собрать улики, – его убили! Остается одно: сбежать из родного города и начать новую жизнь... Судьба занесла Марину в Италию, в замок герцога Сфорца-Малатеста. Теперь у нее есть все – любящий муж, дети, богатство. Но опять на ее пути оказались те люди! Неужели и спустя много лет ей не удастся разоблачить их преступления?

Содержание

Марина

6

Конец ознакомительного фрагмента.

131

Антон Леонтьев

Огненный холод

– Герцогиня Марина Сфорца-Малатеста была найдена застреленной в фамильном замке в Тоскане...

Анжела ухмыльнулась, слушая голос телевизионного диктора. Все прошло так, как и было задумано! На экране пошли кадры криминальной хроники: множество машин с сиренами около старинного замка, санитары, выносившие на носилках тело Марины и грузившие его в машину «Скорой помощи».

Взволнованный диктор итальянского телеканала продолжала:

– И как только что стало известно, герцогиня была убита вовсе не грабителями, а наемным убийцей, специально прилетевшим для выполнения своей кровавой миссии из России. Благодаря четким действиям полиции киллер был задержан в аэропорту Леонардо да Винчи, когда он проходил регистрацию на московский рейс...

Показали здание аэропорта и полицейский фургон, в который запикивали мужчину с заведенными за спину руками. Лица арестованного видно не было, но Анжела сразу поняла – это Костя Бык. Итак, полиция его арестовала. Что ж, так было запланировано.

– За упокой твоей души, Марина! И за тебя, Костя Бык, и

за твое пожизненное заключение!

Анжела наполнила бокал французским шампанским и, отсалютовав экрану огромного плазменного телевизора, сделала большой глоток. Победа! Победа! Победа!

Марина

Лето – долгожданное, жаркое, солнечное лето! Море – бескрайнее, удивительное, Черное море! Свобода – полная, настоящая, сладостная свобода!

Марина взглянула в окно поезда и увидела все сразу – лето, море и свободу. Наконец-то сбылись ее долгожданные мечты!

Поезд подъезжал к Сочи. Стояла середина июля 1986 года.

– Ну вот, еще немного, и мы окажемся у самого Черного моря! – произнесла с задором Надя.

Вика добавила:

– Загорим,купаемся и курортные романы заведем!

Все три девушки (Марина, Надежда и Виктория) рассмеялись.

Собственно, это было предложение Нади – отправиться летом втроем в Сочи. «Дикарями» там делать было нечего, в середине июля они бы точно не нашли съемной квартиры или домика, а если бы и нашли, то наверняка бы не смогли позволить себе подобную роскошь – откуда у трех студенток деньги?

На счастье, у Нади Егорченко имелась тетьа Ира, а у той, в свою очередь, была закадычная подруга, которую тоже звали Ирина, и эта самая Ирина Петровна проживала не где-

нибудь, а в Сочи. И у нее имелся (надо же!) собственный частный дом. И она была готова предоставить его в полное распоряжение любимой племянницы своей подруги и ее однокурниц на целых две недели – за символическую плату.

Марина уставилась в окно. На море она была всего один раз, с родителями, когда еще училась в начальной школе. Да, много воды утекло с тех пор: отец и мама развелись, она окончила школу, поступила в университет... А на море с тех пор ни разу не ездила. И если бы не Надюшка, ни за что бы не очутилась здесь снова.

– Ты кого, Наденька, намерена подцепить? – спросила Вика Иванова. – Здешнего джигита? Или решила себе законного супруга найти? Наверняка здесь полно ухажеров. Только подавляющее большинство женаты, а вот обручальные кольца они забыли дома.

– Ну, не все же мужчины аферисты и проходимцы! – откликнулась Надя. – Мариша, ты ведь не против немного повеселиться? Имеем мы право на настоящий отдых или нет? В конце концов, на пятый курс перешли, меньше чем через год универ закончим и начнется взрослая жизнь. И это – наше последнее беспечное лето!

В купе вернулась попутчица, пожилая женщина, которая в течение всей поездки только и рассказывала что о своих двух дочках и трех внуках. Единственной, кто внимал ее повествованиям, была Марина.

– А меня будет старшая дочка встречать! – заявила да-

ма. – С внуками! Давненько они бабушку не видели, наверняка соскучились...

И соседка вновь пустилась в пространное повествование. Марина, извинившись, вышла в коридор. В туалет выстроилась длинная очередь, а в купе заглядывал усатый проводник и предупреждал, что пора сдавать белье – по расписанию они прибывали в Сочи меньше чем через час.

В коридор высыпали Вика и Надя – они моментально устали от общества говорливой попутчицы.

– Две недели в раю! – мечтательно воскликнула Вика. – Ну что, девчата, пойдем покурим?

Они отправились в тамбур, где уже находился пузатый седой мужчина. Увидев трех девиц (блондинку Вику, брюнетку Марину и рыженькую Надю), он приосанился и, еще до того, как Вика успела щелкнуть зажигалкой, поднес свою.

– Что, девушки, на отдых едем? – спросил он вальяжно. – А с кавалерами как обстоят дела?

– Спасибо, но кавалеры нам не требуются, – ответила Вика. – Мы все замужем, супругов едем навещать. Они десантники!

Мужчина сразу приуныл. Дверь в тамбур распахнулась, и девушки увидели массивную даму в красном халате.

– Николай Антоныч, вот ты где! – пророкотала она громовым голосом. – Все табаком травишься?

Дама с большим подозрением уставилась на трех девушек и скомандовала супругу:

– А ну живо в купе! Чемоданы сверху снимать Пушкин, что ли, будет?

– Конечно, конечно, Любочка, – засуетился мужчина, потушил сигарету и поплелся за своей боевитой супругой.

– Так как же насчет встречи-то? – спросила его вдогонку Надя.

Мужчина вздрогнул, а три подруги расхохотались.

– Ну вот, не успели еще прибыть на курорт, а мужики уже клянутся, – усмехнулась Вика, элегантно выпуская изо рта кольцо дыма.

– Мужья-десантники! – давясь от смеха, сказала Марина. – И в каком звании твой благоверный? Майор небось?

– Бери выше, Маришка! Мне только полковника и подавай! – вздернула подбородок Вика.

– Лучше уж сразу генерала, – засмеялась Надя. – Или маршала.

Настроение у курортниц было отличное. Да и отчего печалиться, если все экзамены сдали без проблем (Надя, как всегда, на одни пятерки) и впереди было четырнадцать дней у Черного моря!

Марина Зимина, Надя Егорченко и Вика Иванова учились в одном и том же университете (Горьковском), на одном и том же факультете (филологическом), в одной и той же группе, и с первого же дня своего знакомства они стали лучшими подругами. Если что и предпринимали, так только втроем, секретов друг от друга не держали и даже в отпуск решили

отправиться вместе.

– И вообще, мы можем из себя иностранок изображать! – заявила Вика, из трех подруг наиболее изобретательная и смелая. – Даром разве учим французский с английским, да еще итальянский на факультативе в придачу?

– Ага, и тебя за шпионку примут! – прыснула Надя.

Она была самой старательной и усидчивой из подруг, впрочем, и самой робкой.

– Не те времена! – сказала Марина, в характере которой сочетались и разухабистость Вики, и ум Нади. – А что, девчата, неплохая идея!

В тамбур вошли два молодых, но чрезвычайно волосатых сына Кавказа. Сверкая золотыми зубами и не менее золотыми печатками, один из них сразу взял быка за рога:

– Девушки, а девушки, мы давно за вами наблюдаем... И хотим пригласить вас в ресторан!

Вика, подмигнув подругам, на ломаном русском произнесла:

– О, ви есть очень добры, синьор! Только мы приехать сюда не для отдых, а чтобы делать шпионаж!

Кавказцы окаменели, а Марина добавила:

– Вы не знать, где здесь располагаться военная база с атомные боеголовки? Нам надо сделать фотографий!

Явно в ужасе, один молодой джигит сказал что-то другому на своем языке, и Надя, уловившая русское слово «милиция», положила конец опасной шутке:

– Мои подружки балуются! Спасибо за предложение, однако у нас свои планы!

Девушки гурьбой выскочили из тамбура.

– Вика, неужели ты не понимаешь, что у нас могут быть проблемы? – заволновалась Надежда.

– Ну да, нас сейчас всех арестуют и отправят в каталажку, – хмыкнула Иванова. – Маринку как французскую шпионку, тебя – как итальянскую, а меня как закоренелую агентку ЦРУ!

Из динамиков лилась мелодия модной песни «Миллион, миллион алых роз...», колеса поезда бодро выбивали дробь, и до Сочи оставалось совсем ничего...

* * *

На перроне их встречала Ирина Петровна, подруга Надиной тетки, – высокая, загорелая, красивая женщина с короткими темными волосами. Она обняла Надю со словами:

– Как же ты выросла и похорошела, Надюша! Сколько мы с тобой не виделись? Наверное, уже лет пять. Да, именно так, тогда ты в последний раз и приезжала ко мне с Иришей.

Хозяйка Марине сразу понравилась, она производила впечатление целеустремленной, честной женщины. Ирина Петровна приветствовала Надиных подруг и сказала:

– Ну что же, сейчас поедem прямо домой. Я уже все для вас подготовила.

Краем глаза Марина увидела, как два молодых кавказца, бурно жестикулируя, что-то объясняют милиционеру, стоящему на перроне, указывая в их сторону. Ну вот кто тянул Вику за язык? Теперь жди неприятностей...

Подхватив чемоданы, девушки отправились за Ириной Петровной. Только оказавшись в душном салоне старенького «Москвича», Марина почувствовала себя в безопасности. Отпуск начинается бегством с сочинского вокзала – каково?

Ирина Петровна вела машину сама, и пока она расспрашивала Надю, сидевшую на переднем сиденье, о том, как дела у ее тетки, Марина могла насладиться панорамой. Как же здесь, на юге, все отличается от средней полосы России! Экзотика, да и только!

– Класс! – толкнув Марину в бок локтем, сказала Вика, тоже не отрывавшая глаз от восхитительного пейзажа. – Вот ведь нам повезло!

Марина придерживалась точно такого же мнения. Она была уверена, что нынешние каникулы она запомнит до конца жизни. Внезапно странное чувство шевельнулось у нее в душе, и девушка вдруг ощутила страх, но постаралась успокоиться. Да нет же, все в полном порядке! Паника улеглась, и Марина, слушая комментарии Вики, снова обратила взгляд в окно.

Дорога, по которой пыхтел «Москвич», шла вдоль моря, и зрелище в самом деле было чудесное, незабываемое. У Марины даже дух захватило.

– Скоро приедем, – повернулась к подружкам Надя. – Тетя Ира живет здесь недалеко.

Ирина Петровна обитала в живописном месте, как показалось Марине, посреди огромного виноградника. Там спрятался небольшой двухэтажный деревянный домик с красной черепичной крышей. Раздался собачий лай, и Марина увидела овчарку, вылетевшую навстречу автомобилю.

– Не робейте, – предупредила Ирина Петровна. – Это Эдисон, вы с ним обязательно подружитесь!

Косясь на овчарку, Марина вышла из «Москвича». Тем временем появились двое подростков, один лет пятнадцати, другой года на полтора-два младше.

– Мои сыновья, Миша и Виталик, – представила мальчиков Ирина Петровна. – А мой муж, Михаил Сергеевич, сейчас на работе, вы с ним вечером познакомитесь...

– Ну прямо как наш новый Генеральный секретарь! – схохмила Вика.

Ирина Петровна, улыбнувшись, сказала:

– Как Горбачева избрали, так мужа и стали на работе звать – «генсек». Мальчики, помогите нашим гостям!

Ребята подхватили чемоданы, и процессия двинулась к дому. В коридоре Марина ощутила прохладу. Ирина Петровна показала им большую комнату на первом этаже, окна которой выходили в сад. Там стояли три аккуратно заправленные кровати.

– Знаю, что это не отель люкс, однако надеюсь, вы доволь-

ны? – спросила хозяйка.

Надя бросилась на шею Ирине Петровне:

– Большое-пребольшое спасибо, тетя Ирочка! И как хорошо, что мы вместе в одной комнате будем!

– Есть будете вместе с нами, – продолжала хозяйка. – До пляжа тут недалеко, Миша и Виталик вам покажут, как пройти покороче. Впрочем, ты, Надюша, наверняка еще дорогу не забыла, ведь так? И вот еще что, мои хорошие... Сразу предупреждаю: никаких кавалеров сюда водить не разрешается! Я пообещала твоей тете, Надя, что несу за тебя ответственность. А теперь располагайтесь и отдыхайте! Через часок обедать будем.

Она вышла и прикрыла дверь. Вика, растянувшись на кровати, мечтательно произнесла:

– Значит, никаких ухажеров и кавалеров? Ну мы и попали... в колонию строгого режима!

– Тетя Ира только кажется строгой, а в действительности она душка, – возразила Надя.

Вика извлекла из кармана пачку сигарет, но Надя покачала головой:

– Если хочешь курить, то иди на улицу.

– Ну и нравы здесь! – сказала обиженным тоном Вика. – Да, граждане присяжные заседатели, тут вам не Рио-де-Жанейро!

– Вичка, не скули, – заметила Марина. – У каждого свои требования, у каждого свои нравы. Тем более что мы будем

жить здесь практически даром да еще вместе с хозяевами питаться. Ведь настоящий-то отпуск мы бы не в состоянии были оплатить!

– Ладно, беру свои слова обратно, – сменила гнев на милость Вика. – Курить можно и в саду, а что касается ухажеров... Сюда водить не будем, но кто сказал, что нельзя с ними встречаться на их территории?

Через час, когда Виталик, постучав в дверь, объявил, что обед готов, из комнаты вышли три красавицы – Марина в белом коротком сарафане, Надя в пестром платье и Вика в умопомрачительном купальнике, огромной соломенной шляпе и солнцезащитных очках.

Обедали в саду, под разлапистыми абрикосами. Стол ломился от овощей и фруктов, при виде которых у Марины немедленно пробудился зверский аппетит. Всего того, что у них, в Горьком, днем с огнем не сыщешь, здесь было в изобилии! Виноград всех сортов, персики, арбузы, дыни, изюм...

И даже привередливая Вика осталась довольна, попросила добавки – Ирина Петровна приготовила замечательную окрошку.

– Ну а теперь на пляж! – скомандовала Вика. Но хозяйка остановила курортницу:

– Сразу после еды нельзя. Да и солнце сейчас злое, в два счета обгорите. Подождите до четырех – половины пятого.

Вика, уверявшая, что отдыхать не хочется, первой же заснула, едва только улеглась на кровать. Марина и Надя ти-

хонько переговаривались, а затем снова вышли в сад. Там их и отыскала встревоженная Виктория.

– Я уж думала, что вы без меня на море отправились, – пробормотала она, зевая и потягиваясь. Девушка взглянула на наручные часики и сообщила: – Шестнадцать сорок две! Вот, в самый раз, теперь никто не скажет, что надо еще чего-то ждать. Ну, Надюха, веди нас заветной тропой к морю!

Троица покинула домик и устремилась к воде. Сначала они шли по пыльной дороге, где то и дело попадались загорелые туристы, затем свернули и двинулись вдоль скал. Наконец впереди заблестело море. Марина почувствовала небывалый прилив сил. Вика издала клич Тарзана:

– Вот она, наша цель! Ух, за эти две недели я так знатно загорю, что все будут думать, будто мой папа – индус!

Они спустились по тропке на дикий пляж, который раскинулся между скал. Небольшой, но уютный, он так и манил трех студенток. Вика скинула шлепанцы и побежала к воде.

– Ой, черт побери, а пятки-то как жжет! – закричала она. – Самое время окунуться!

Но укромное местечко было известно не только им. Пляж был заполнен полуголыми телами других курортников, на гальке лежали полотенца и надувные матрасы, торчали зонтики от солнца.

И все же это не помешало девушкам насладиться морем. Вода была теплая, бархатная, и Марина, чувствуя небывалую радость, отплыла далеко от берега. Надя последовала за ней,

а Вика, толком плавать не умевшая, плескалась у самого берега и, размахивая руками, кричала:

– Эй, вы куда собрались, в Турцию, что ли?

Марина улеглась на спину, опустив голову по самые уши в воду. Легкие волны подталкивали ее тело, и девушке казалось, что она парит в воздухе. Наконец Марина и Надя вышли на берег. Вика же устроила целое представление: расположившись на накидке, брошенной у самой кромки воды, она медленными движениями растирала по телу драгоценный лосьон от загара, купленный по большому благу. Как девушка и рассчитывала, глаза мужчин, находившихся на пляже, устремились на нее, и это внимание ей льстило.

Когда подружки, выжимая волосы и отряхивая с тела капли, оказались около нее, Вика тихо произнесла:

– Видите вон тех двух симпатяг? Они с меня так и не сводят глаз! Еще немного, и придут знакомиться!

Но в тот момент около молодых людей появились две девицы, и парни мгновенно позабыли о Вике. Зато около нее возник полный дядька в красных трусах с предложением:

– Разрешите угостить вас мороженым!

Вика, тяжело вздохнув, ответила:

– У меня ангина. И вообще, отойдите, вы загораживаете мне солнце!

Надя и Марина снова отправились в воду, а когда, уставшие и счастливые, вернулись на берег, то увидели Вику в компании сразу трех типов.

– Ну вот, начинается... – вздохнула Надя. – Если так и дальше пойдет, то отдых превратится в смотрины.

– А вот и мои подруги, о которых я вам рассказывала! – заявила Вика, указывая на девушек. – Мариша и Наденька!

Надя, подхватив сумку с пляжными принадлежностями, обронила:

– Мы идем домой...

– А я пока останусь на пляже, – томно произнесла Вика и поправила огромные очки, закрывавшие половину ее лица. – Здесь так много интересного!

* * *

Марина и Надя отправились к дому Ирины Петровны.

– Как бы Вичка не натворила глупостей, – сказала, поднимаясь по тропинке, Надя. – Она ищет большую любовь, а здесь все в первую очередь настроены на курортный флирт.

– Виктории уже двадцать, так что она знает, что делает, – заметила Марина, хотя не была в этом уверена.

Вечерело. Вернувшись в домик, девушки застали Михаила Сергеевича, вернувшегося с работы. Хозяин, солидный веселый мужчина с седыми усами, сразу понравился Марине.

– А где же ваша третья подружка? – спросил он. – Осталась на пляже? Надо быть поосторожнее с местными и приезжими альфонсами!

Вика вернулась, только когда окончательно стемнело, – веселая и полная задора.

– Ах, девчата, вы не представляете, с кем я познакомилась! – заявила она с порога. – Такие кавалеры, такие мужчины!

– Мы же договорились, что будем отдыхать вместе, – с легким упреком сказала Марина, на что Вика ответила:

– Что я могу поделаться, если вы такие некомпанейские? И вообще, нельзя же все время плескаться в соленой воде, это вредно для кожи!

– А часами лежать на солнце, можно подумать, не вредно, – вставила Надя.

– Ничего вы не понимаете. Может быть, я познакомилась сегодня с мужчиной своей жизни... – обидевшись, процедила Вика.

– Какой такой жизни? Загробной? – хмыкнула Марина и вместе с Надей звонко рассмеялась.

Обозвав подружек «ханжами» и «дурочками», Вика отправилась принимать душ.

Последующая неделя пролетела как одно мгновение, и Марина уже начала думать о том, что скоро настанет момент, когда поезд увезет их обратно. Отпуск закончится, море останется далеко-далеко, придет осень, и начнется столь важный пятый курс. Кто знает, когда она сможет снова оказаться у моря и отдыхать так же беззаботно и весело, как сейчас...

Вика совершенно случайно узнала, что у «мужчины ее жизни», помимо жены, имеется еще трое детей, поэтому тот-час дала ему от ворот поворот.

– Да, кто бы мог подумать! – подливали масла в огонь подружки. – Ты уверена, Вичка, что только трое детей? И только одна жена? Может, он правоверный мусульманин и жен у него тоже три?

– Да ну вас! – отмахнулась Вика. – Только и знаете, что мне косточки перемываете. Прямо как бабки старые! И вообще, надоел мне пляж! Там никого интересного нет!

– Ну, мы же всего лишь в Сочи, а не на Лазурном Берегу, – заметила Марина. – И Жан-Поля Бельмондо с Аленом Делоном здесь, увы, не встретишь.

– Дались вам Бельмондо с Делонами! – вскинулась Вика. – А знаете, что я узнала? Во-первых, тут имеется нудистский пляж. Неофициальный, конечно...

– Это где все голышом ходят? – повернулась к подружке Надя. – Тетя Ира рассказывала, там время от времени облавы бывают...

– Или ты хочешь в местной кутузке побывать? – поинтересовалась у Вики невинным тоном Марина.

– Вот уж, много интереса без купальника от милиции бегать! – поджала губы Вика. – Да я просто так сказала, чтобы вас проверить. А во-вторых, здесь неподалеку имеется санаторий работников кино и сцены, одним словом, актеров. И там сейчас должен Андрей Миронов отдыхать.

Марина и Надя переглянулись, а Вика с азартом продолжила:

– И не только он! Там все сливки из Москвы и Ленинграда! Сейчас ведь самый сезон! Девчата, это наш шанс! Со знаменитостями пообщаемся, может, кого и подцепим...

– Это ты о венерических заболеваниях? – уточнила Марина, Надя прыснула, а Вика недовольным тоном протянула:

– Вот вечно ты так, Зимина! Умеешь все одной фразой испортить! Ну же, девчата, артисты сюда приехали расслабиться, а ведь многие из них не женаты... Да и режиссеры здесь тоже бывают. Ну, этот, как же его... с усами...

– Альфред Хичкок, – подсказала Надя, и Вика рявкнула:

– Ну, если не хотите, я одна туда пойду! Чего руки сложа сидеть в этом захолустье? Надо выбираться в большой мир! Чем я хуже всяких актрисочек? Если постараться, можно и мужа себе найти, и даже роль получить...

– Эпизодическую. Которую потом при монтаже вырежут, – вздохнула Марина. – Викуша, нельзя же быть такой наивной! Сама подумай, зачем ты знаменитому актеру? Да и как ты в тот санаторий попадешь?

– Как-как! Я уже все продумала! – важно ответила Вика. – Разговаривала с одним типом, у которого двоюродный брат там садовником работает. Просто так в санаторий, конечно, не проникнешь, ведь тут все хорошо охраняется. Дачи государственные здесь в округе, говорят, где-то сам Сталин отдыхал...

Посмотрев на подругу снисходительно, Вика продолжила:

– В общем, этот тип мне совет дал: лучше всего не через забор лезть, а по воде. У артистов свой пляж имеется, не хуже, чем где-нибудь в Сен-Тропе, и туда, конечно, простой люд не допускается. Так вот, пляж располагается в отдельной бухте, за скалами. И если вокруг скал проплыть...

– Так ведь ты воды боишься! – напомнила Надя. – И плаваешь по-собачьи! Да, тетя Ира однажды мне показывала, где этот санаторий. И знаешь, сколько вокруг скал надо плыть? Не меньше пары километров!

Вика хмыкнула:

– Я же сказала, девчата, что все продумала! Тот тип, который за мной ухлестывает, знает еще одного типа, а тот знает еще одного типа...

– Который знает еще одного типа, который знает еще одного типа... – хором продолжили Надя и Марина.

– И у него имеется катамаран! – заключила Вика, пропустив слова подруг мимо ушей. – Причем не какой-нибудь, а точно такой, какие используются в санатории работников кино и сцены. Этот тип его как-то... гм... ну, в общем, на время позаимствовал...

– То есть стырил, – сказала Надя. – Вот так знакомые у тебя, Иванова!

– Стырил или не стырил, какая разница! – перебила ее Вика. – Главное, что катамаран на ходу и на нем можно запросто мимо скал проплыть и попасть на пляж санатория. При-

чем никто не заподозрит, что мы чужие, ведь катамаран-то тамошний!

– Вот только ты выглядишь не как тамошня, – заявила Марина. – За кого ты собралась себя выдавать? За Людмилу Гурченко? За Инну Чурикову? Или, может быть, за Веру Холодную?

– И это я тоже продумала! Если шляпу натянуть, очки надеть да в шелковый шарфик закутаться, никто и не увидит, что мы пришлые. Эти звезды же все такие эксцентричные, пугливые... Так что проникнем туда, познакомимся с кем надо... Представляете, я буду разговаривать с самим Андреем Мироновым! И кто знает...

Заметив скептические мины подруг, Вика быстро добавила:

– Ну, не хотите – как хотите, я с катамараном и одна справлюсь.

– Иванова, тебя одну отпускать нельзя, – покачала головой Марина. – А то вынесет тебя в море, и пограничники решат, что какой-то диверсант пытается границу пересечь.

– Да, нельзя тебя одну отпускать, – подтвердила Надя. – И если уж затею эту у тебя не получается из головы выбить, значит, придется с тобой до последнего идти.

– Я же знала, что вы тоже с артистами захотите познакомиться! – расплылась в улыбке Вика. – Только Андрюшу не трогайте, он мой! Впрочем, говорят, там сейчас и Саша Ширвиндт отдыхает...

«Операция Ы», как окрестила Вика вылазку в санаторий работников кино и сцены, была назначена на вечер следующего дня. Сказав Ирине Петровне, что они отправятся в город и вернутся поздно, девушки, прихватив сумки с маскировочными нарядами, двинулись к знакомому знакомого, в распоряжении которого имелся украденный катамаран.

Тот (мужчина с испытанным лицом, распространяющий аромат чеснока) заломил непомерную сумму.

– Пятьдесят рублей? – ахнула Марина. – Только за то, чтобы покататься на катамаране?

– Пятьдесят рублей! – нахально заявил дядька. – Я же вас не заставляю! Прямо не знаю, для чего вам катамаран? Если просто хотели покататься, давно бы нашли намного дешевле. Но вам нужен этот...

– А в милиции в курсе того, где вы раздобыли катамаран? – спросила вкрадчиво Вика.

Мужчина икнул и торопливо заговорил:

– Его волной во время шторма прибило к берегу! Я первый нашел и себе взял!

– Значит, вы не против того, чтобы мы оповестили администрацию санатория о том, где находится их катамаран? – спросила Надя.

И мужчина сдался:

– Черт с вами! По десятке с носа, и он в вашем распоряжении. Только учтите: вы должны мне его обратно пригнать!

В итоге сошлись на двадцати пяти рублях. Лиловая купюра перекочевала в карман трико хозяина катамарана, и тот предупредил:

– Но если возникнут какие неприятности, то вы меня не знаете! И катамаран не от меня получали!

Дядька провел девушек к сараю, располагавшемуся у самой воды, раскрыл его и указал на блестящий в темноте белый с сине-красными полосками катамаран, на боку которого был выведен номер «19».

– Вот он, красавец! Давайте спускайте на воду, тут недалеко!

Девушкам пришлось самим толкать катамаран по гальке – вредный мужик и не собирался им помогать, требовал за это еще трешку. Наконец катамаран скользнул в воду, и Вика, отдуваясь, скомандовала:

– Ну, вперед, девчата!

Подруги забрались на катамаран, причем Марине пришлось стоять, так как мест для сидения имелось только два. Непрístupные скалы, за которыми располагался пляж санатория, уходили в вечеряющее небо. Надя и Вика принялись крутить педали.

После небольшой склоки, вызванной выяснением того, кто виноват в дрейфе плавательного средства в противопо-

ложном нужному направлении, наконец удалось взять верный курс, и катамаран вскоре оказался под мрачными величественными скалами. Вода здесь была удивительно прозрачная, дул легкий бриз, и Вика пыхтела, накручивая педали.

– Господи, у меня на пятках мозоли будут! – стонала она. – И вода летит в лицо, всю косметику смое!

Марина сменила ноющую подругу, и катамаран устремился вперед. Скалы казались бесконечными. И вдруг, как-то совсем неожиданно, они закончились, девушки увидели цель своего путешествия – импозантный особняк с колоннами на вершине утопавшей в зелени горы.

Вика издала победный клич и отдала новую команду:

– Полный назад! Надо же к высадке десанта приготовить-ся! Ну, крутите педали, девчата!

Они снова заплыли за скалы, и там Вика принялась облачаться в странное шелковое одеяние, шляпу с большим бантом и даже босоножки на каблуках. Именно попытка обуться и стала для нее роковой – девушка поскользнулась и не удержалась на покачивающемся на волнах катамаране.

– Тону, помогите! – завопила, размахивая руками и поднимая вокруг себя снопы брызг, Вика. – Ааааа!

Наде и Марине пришлось прыгнуть в воду, и, только приложив изрядные усилия, они смогли затащить на катамаран дрожащую подругу.

– Мой наряд, моя косметика! – рыдала Вика. – Как же я

теперь покажусь на глаза Андрюше? Господи, за что ты меня караешь?

– Может, вернемся обратно? – предложила Надя. – Ну, прогулялись, проветрились, и хватит. Да и идея какая-то отчаянная, прямо-таки авантюрная...

– Ни за что! – возразила Виктория, мгновенно прекращая стенать. – Я ждала этого мгновения всю свою сознательную жизнь!

– И несознательную тоже, – добавила Марина, а Вика заявила:

– Ничего, одежда высохнет, а вот косметика... Да ладно, лица все равно за шляпой и очками видно не будет! Ой, а где мои очки-то?

Выяснилось, что очки потерялись и наверняка покоились сейчас на дне, под скалами. Но и этим смутить Вику было нельзя. Она вытащила из сумки пару точно таких же, какие только что утопила в Черном море.

– Мой девиз – всегда носи с собой все в двух экземплярах! – заявила она. – А теперь, девчата, полный вперед! Слава ждет нас!

– Ты хотела сказать, Андрюша, – проворчали в один голос Марина и Надя.

Но делать было нечего, и они принялись снова крутить педали. Солнце скрывалось за горизонтом, и глазам девушек открылась величественная, потрясающая картина. Но Вика совершенно не интересовалась природой. Она все-таки

умудрилась натянуть злосчастные босоножки на каблуке и, балансируя в них, словно эквилибристка, приводила в порядок лицо, рассматривая его в миниатюрное зеркальце и ловко орудуя губнушкой, тенями и румянами.

– Смотри, Иванова, сейчас еще раз в воду сверзнешься, – сказала Надя, на что Вика гордо ответила:

– Не дождетесь!

Когда они оказались недалеко от берега, Марина заметила несколько плавательных средств, как две капли воды похожих на их катамаран. Вика, командовавшая «операцией Б», заговорила тоном режиссера:

– Ну, начали улыбаться! И расслабились, расслабились, девушки! Никто не должен заподозрить, что вы проникаете на чужую территорию! Так, отлично, отлично...

Наконец катамаран ткнулся в берег, и Вика грациозно сошла на сушу. Марина и Надя последовали за ней. Виктория сунула им по шляпе, что извлекла из необъятных недр своей сумки, и предупредила:

– Вы только того, под ногами не путайтесь! Так, фотик здесь, так что со всеми звездами шелкнусь... Ну, с богом!

Они двинулись к лестнице, которая вела наверх, к зданию санатория. Марина изрядно волновалась. И что с ними сделают, если обнаружат? В лучшем случае выставят вон, а в худшем... в худшем сдадут на руки милиции!

– Может, пока есть возможность, повернем обратно? – спросила Надя, которую, казалось, терзали точно такие же

сомнения.

– Трусихи! – произнесла презрительно Вика. – Вам бы только на жалком пляже валяться да виноград с персиками лопать... Это же настоящее приключение, такое на всю жизнь запомнится! Будет что рассказать и о чем вспомнить, когда внуков нянчить станете!

Последний аргумент возымел эффект, и Марина с Надей смолкли. Девушки поднялись по лестнице и оказались в роскошном тропическом саду – цвели магнолии, благоухали какие-то неведомые растения, там и сям виднелись пальмы. Они неспешно прошли по парку, оказались около фонтана, изображавшего девушку с веслом, около которого стояли несколько лавочек. Вика, обернувшись к подружкам, громко зашептала:

– Ой, посмотрите, это же та самая! Ну, я фамилию ее забыла!

Как зовут актрису, лицо которой было так мучительно знакомо, не могли вспомнить и Марина с Надей. Словно замороженные они уставились на даму, которая, сидя на скамейке, держала в руках томик Ахматовой.

Видимо почувствовав слишком пристальные взгляды, актриса заерзала, подняла голову и смерила трех девиц взглядом.

– Добрый день, – произнесла она мелодичным, хорошо поставленным голосом, и подружки тоже поздоровались.

Когда они прошли чуть дальше, Вика радостно потеряла

руки:

– Ух ты! Черт побери, вот это да!

На другой лавочке восседали два известных актера, которых Марина множество раз видела на телеэкране, и играли в шахматы. У девушки аж дыхание захватило, а Вика вытаскивала фотоаппарат.

– Так, парочку снимков сделаем... – пробормотала она.

И в тот момент на дорожке показалась небольшая компания – несколько весело переговаривавшихся мужчин и женщин. И центром компании был кумир Вики, Андрей Миронов. Вика даже рот раскрыла от изумления. Растерялась и не успела сделать фотографию, компания прошла мимо девушек.

– Это он! – выдохнула Вика. – Девчата, вы видели? Это он!

– Да видели мы, – заметила Надя. – Ну что, Викушка, теперь обратно отправимся? А то уже темнеть начинает, нам же еще крутить педали...

– Ни за что! – ответила Вика. – Пока фотку с Андрюшей не сделаю, мы никуда не поедем. Ну, чего стоите как истуканы? Шевелите ногами, дети мои!

И Вика устремила след за компанией, душой которой был актер Миронов. Надя и Марина последовали за подружкой. Актеры поднялись по лестнице наверх и оказались на втором ярусе, где на огромной террасе располагались шезлонги, затем прошли в ресторан, располагавшийся в гроте. Вика побежала было туда же, Надя и Марина еле удержали

ее.

– Ты что, с ума сошла? – зашипели они. – Нам туда вход заказан! В два счета поймут, что мы не живем здесь! Да и деньги у тебя есть, чтобы платить за еду?

Но Вика решительно тряхнула головой:

– Но ведь больше такого шанса не будет! Я быстро, уверяю вас! Всего пять минут, не больше, а потом мы домой отправимся...

Наде и Марине пришлось согласиться, и они отправились в ресторан. Там играла приглушенная музыка, меланхоличный бармен протирает за стойкой бокалы, бесшумно сновали официанты. Компания актеров заняла несколько столиков в глубине зала. Марина, присмотревшись, увидела массу знакомых лиц. Вот это да, как будто сама попала в кинофильм!

Вика прошла к одному из столиков, уселась на стул, и тотчас около нее возник официант.

– Для меня и моих подруг... ммм... коктейли! – выпалила Вика. – Ну, сами что-нибудь сообразите!

Надя, взяв прејскурант, прошептала:

– Ничего себе! Здесь один шашлык столько стоит, сколько мы в месяц стипендию получаем!

– Ну, не мешай! – заявила Вика и вытасила фотоаппарат. – Так, надо бы выбрать ракурс получше... Вы тут сидите, а я подберусь поближе к Андрюше...

Вика грациозно поднялась, прошла якобы по направлению к туалетной комнате, затем остановилась около колон-

ны. Девушки видели, как подружка извлекла фотоаппарат, навела его на компанию актеров и нажала на спуск. Но Вика, конечно же, не ограничилась единственным снимком, а принялась щелкать снова и снова.

Внезапно одна из актрис повернула голову в ее сторону как раз в тот самый момент, когда та, прижав к лицу фотоаппарат, выбирала ракурс получше. Актриса нахмурилась, сказала что-то своему спутнику, тот подозвал официанта и кивнул в сторону Вики. Девушка, увлеченная процессом съемки, ничего не замечала.

Около Вики возникли два официанта, и Надя трагическим тоном произнесла:

– Ну вот, попались!

– Оставьте меня в покое! – раздался громкий голос Вики. – Вы что, не узнаете меня? Значит, плохо знакомы с советским кинематографом!

Надя и Марина поднялись, чтобы прийти Вике на помощь, и внезапно увидели полного лысого мужчину, невесть каким образом возникшего у них за спиной.

– Могу ли я спросить, что вы делаете здесь? – спросил он угрожающе. – И как вы попали на территорию ведомственного санатория?

Вика же, отпихнув официанта, ринулась к выходу. Однако из ее затеи ничего не вышло – дорогу ей преградил дюжий швейцар. Лысый мужчина схватил Надю и Марину под локти и сурово произнес:

– Пройдемте со мной! Не советую вам устраивать скандал, это только усугубит ситуацию!

Девушки покорились. Понуриив голову, они прошли через подсобные помещения ресторана и наконец оказались в небольшом кабинете с письменным столом, вентилятором и большой фотографией генсека Горбачева на стене. Через несколько мгновений туда же впихнули и брыкающуюся Вика. Растирая запястья, она заявила:

– Этот произвол вам так не пройдет! Подумать только, нападают на честных людей, отнимают фотоаппарат!

– Вичка, успокойся, – буркнула тихонько Надя. – Все уже давно поняли, что ты не актриса. Затея провалилась...

Вика внезапно всхлипнула:

– И что с нами теперь будет? Нас в милицию сдадут? И в университет сообщат?

Лысый субъект прошел к столу и опустился в кресло. Несколько мгновений он рассматривал девушек, а потом потребовал:

– Документы!

– Да кто вы такой... – начала Вика, однако Надя и Марина подчинились. Они передали мужчине свои паспорта и студенческие билеты. Надя смиренным тоном произнесла:

– Мы понимаем, это была глупая затея, но мы ведь никому ничего плохого не сделали...

Субъект, изучавший их документы, кивнул:

– Да, затея в самом деле идиотская. Кстати, разрешите

представиться, я – Альберт Михайлович, директор бара-ресторана. Так, так, Виктория Иванова, Надежда Егорченко и Марина Зимина... Три авантюристки из славного города Горького. Предположу, что находитесь в наших краях на отдыхе...

– Вот именно, Альберт Михайлович, – вздохнула Марина. – Нам захотелось приключений и...

– И поэтому вы проникли на территорию закрытого санатория? – хмыкнул директор ресторана. – Подумать только, какие прыткие! Ладно бы проникли, так еще начали докучать здешним отдыхающим, делать фотографии... А катамаран? Он пропал некоторое время назад, а теперь снова возник на берегу. Значит, вы еще и катамаран украли?

– Ничего мы не крали! – воскликнула Вика. – И вообще, вы не имеете права нас здесь удерживать. Вы кто такой, милиция, что ли? Девчата, пошли отсюда! Только попробуйте нас задержать, я такой визг подниму...

Альберт Михайлович положил паспорта со студенческими билетами в ящик стола и спокойно заметил:

– Пожалуйста, идите! Только ваши документы останутся у меня. И мы вас легко найдем! Кстати, известно ли вам, что в нашем санатории в последнее время произошло несколько прискорбных инцидентов – были обворованы номера известных актеров и актрис? И не исключено, что вы причастны к этому, дорогие мои студентки. А что – приплыли на ворованном катамаране, обчистили номера и затем скрылись...

– Уверяю вас, Альберт Михайлович, все совсем не так! – взволнованно заговорила Надя. – Нам очень жаль, что мы нарушили покой отдыхающих! И уверяю вас, больше такое не повторится...

– Сейчас я позвоню директору санатория, сообщу ему обо всем, и он примет решение... – Директор ресторана поднял трубку красного телефонного аппарата, набрал номер. – Занято... Ну ничего, подождем! Или лучше всего я лично ему обо всем доложу. А вы пока посидите в моем кабинете. Учтите, отсюда вам не выбраться, я вас запру!

Мужчина вышел, а в замке лязгнул ключ. Вика, надувшись, бросила подругам:

– Это все из-за вас!

– Из-за нас? – изумившись, заметила Марина.

– Ну да, а из-за кого же еще! – продолжила Виктория. – Конечно, из-за вас! Если бы меня прикрыли, ничего бы и не произошло. Так, куда он паспорта наши положил...

Она подлетела к ящику стола и принялась его дергать. А когда убедилась, что он заперт, схватила со стола ножницы и стала ковыряться ими в замке.

– Иванова, немедленно прекрати! – в унисон воскликнули подруги.

Но Вика и не думала успокаиваться.

– Еще чего! Сейчас документы выудим и рванем отсюда. Они все равно нам ничего предъявить не могут.

– Только как ты намерена уйти? На катамаране не полу-

чится, а через ворота не пропустят, – сказала Марина.

Раздался неприятный щелчок, и Вика охнула:

– Ну вот, лезвие сломалось...

Последующие пятнадцать или двадцать минут прошли в томительном ожидании. Каждая думала о своем. Наконец, не выдержав, Надя сказала:

– А нас из университета за такое могут отчислить?

– Ты еще спроси, могут ли нас за такое в тюрьму посадить! – набросилась на нее Вика. – Конечно же, нет! Мы ведь ничего не сделали. А вот директор ресторана запер нас в этой каморке. И вообще, я скажу, что он... что он меня домогался! И пускай доказывает, что не верблюд!

Дверь кабинета отворилась, на пороге возник Альберт Михайлович в сопровождении солидной дамы со сложной прической и с надменным выражением лица.

– Прошу. Вот они, красавицы, в полном составе, Елена Романовна! И документы их... – директор ресторана указал на пленниц, подошел к столу и воскликнул: – Господи, кто-то из них пытался взломать ящик!

Дама смерила девушек злым взглядом.

– Уже поступило несколько жалоб от отдыхающих, причем все они – люди известные и уважаемые, со связями в столице. И я не хочу, чтобы наш санаторий приобрел дурную славу из-за этих ужасных преступлений...

Надя перебила:

– Да, мы проникли на территорию без спроса, но только в

том и заключается наше, с позволения сказать, ужасное преступление. Отпустите нас, пожалуйста!

Елена Романовна и Альберт Михайлович переглянулись, дама чуть склонила голову, и директор ресторана вернул документы.

– Живо, выметайтесь! И чтобы духу вашего здесь больше не было!

* * *

Уже окончательно стемнело, когда их выставили за пределы санатория. Витые ворота гулко захлопнулись за девушками.

– Вот ведь ворюги! – бушевала Вика. – Мой фотик у них остался! И мои вещи! Я на них в милицию заявлю!

– И что ты расскажешь милиции? – поинтересовалась Марина. – Как мы незаконно проникли на территорию санатория? Да, ты права, Иванова, эту историю мы до конца жизни не забудем!

– Но зато я Андрюшу видела! – вспомнила о главном Вика. – Только в универе мне никто не поверит. Ведь фотографий-то нет! Как же мне доказать, что я в трех метрах от него стояла?

Практичная же Надя думала о другом:

– Лучше сейчас сообразить, куда нам идти. Направо или налево? И вообще, мы приплыли по морю, а теперь придется

петлять по горам...

Они находились в незнакомой, безлюдной местности. Со всех сторон их обступал густой лес. А шоссе, на которое им удалось выйти, вело неизвестно куда.

– Нам туда! – Вика тыкала направо. – Море там, значит, идти надо в ту сторону!

– Да нет же, нам туда! – Марина указывала налево. – И море вообще вон в той стороне! Не забываете, мы сейчас не на море, а на шоссе!

Надя предложила остановить попутную машину и узнать, в каком направлении им надо идти, а лучше всего – попросить довезти до города. Однако автомобили проносились по трассе, но водители то ли девушек не видели, то ли не обращали на них внимания: никто не желал останавливаться. Наконец затормозила «Волга», из которой вывалились несколько пьяных мужчин.

– Эй, красавицы, вам куда? Хотите с нами покататься? Мы сегодня добрые, Колян завтра женится, у нас мальчишник! Хотите повеселиться?

От назойливых ухажеров пришлось спасаться бегством. Усталые, голодные и злые, три подруги расположились на обочине и принялись ожесточенно спорить, что же им делать. Вика ратовала за то, чтоб идти в ту сторону, куда они шли до сих пор. Марина заявляла, что направление надо сменить. Надя же, проколовшая пятку какой-то колючкой, вообще никуда не могла идти и хотела одного – оказаться как

можно быстрее дома. И желательно в родном городе Горьком.

– Сколько же сейчас времени? – пытаюсь рассмотреть стрелки на наручных часах, вопрошала Вика. – Ого, то ли половина первого, то ли половина второго ночи!

– Тетя Ира наверняка уже нас ищет, – едва не плакала Надя. – Ой, нога как болит!

Марина же думала о том, что этот отпуск она действительно никогда не забудет. Выход был один – дожидаться рассвета, поймать попутку и договориться о том, чтобы их отвезли к Ирине Петровне. Но до утра оставалось еще много часов, поэтому девушки сидели на обочине и устало переругивались.

– Давайте поговорим о чем-нибудь приятном! – взорвалась наконец Марина. – Нельзя же все время поминать лихом директора ресторана и сетовать на то, что никто не желает нас подобрать! Викуша, Надюша, хватит спорить!

– Я ни с кем и не спору, – заявила Вика. – Я знаю, что права, а вы меня доводите!

Вдалеке, на трассе, показался свет фар автомобиля. Надя, с трудом поднявшись, воскликнула:

– Мы должны остановить эту машину! Девочки, я вас очень прошу! Шип в пятке меня просто с ума сведет! Его надо вытащить! А вдруг он еще и ядовитый?

Так как все хотели попасть домой, то и Вика, и Марина вышли на шоссе и принялись размахивать руками и громко

кричать.

– Прямо как в «Кавказской пленнице», – усмехнулась Вика. – Мы будто живое препятствие на шоссе, чтобы враг не прорвался!

И, о чудо, то ли водитель оказался милосердным, то ли потому, что девушки перегородили шоссе, но автомобиль затормозил. Вика бросилась вперед, а следом и Марина, поддерживая Надю за талию, поспешила по направлению к авто.

Фары погасли, и девушки увидели в салоне несколько силуэтов, слышали мужские голоса.

– Помогите, прошу вас! – крикнула Марина. – Мы заблудились, и одной из нас требуется медицинская помощь!

Девушки разглядели в автомобиле трех молодых людей. Тот, который был за рулем, откликнулся, выходя на дорогу:

– Конечно же, мы поможем! Что с вашей подругой, что-то серьезное?

Надю бережно поместили на сиденье, а Вика на ухо Марине прошептала:

– Смотри, какая у них тачка! Импортная, «Мерседес» называется. Таких днем с огнем не сыщешь!

Из салона полился желтый свет, и когда глаза привыкли, Марина рассмотрела спасителей – молодые люди, на разбойников и бандитов не похожи, хорошо одеты и симпатичные. Тот, что сидел на водительском месте, понравился Марине больше всего – высокий, с длинными светлыми волосами, в узких джинсах и футболке с изображением Мэрилин Монро.

– Сразу видно, импортные шмотки, стоят не меньше пяти сотен, – наметанным глазом определила Вика. – Ах, мальчишки, что-то у меня голова кружится! – проворковала она и опустила на руки другого вышедшего из машины молодого человека.

– Девушке требуется вынуть колючку, промыть и продезинфицировать рану и наложить повязку, – сказал водитель. – У нас имеется аптечка, однако лучше сделать это не на природе, а дома. Если вы позволите... я живу здесь неподалеку...

– Конечно, конечно, позволим! – тут же заявила Вика, пожалуй, чересчур энергично для находящейся якобы в прострации особы. – А скажите, это ведь у вас «Мерседес»?

– Да, подарок отца на мой последний день рождения, – подтвердил водитель. – Разрешите представиться: Кирилл.

Двух других звали Максимом и Артемом. Молодые люди производили благоприятное впечатление, однако Марина попросила их отвезти в поселок, к Ирине Петровне.

– Зимина, ты что, сбрендила? – зашипела на нее Вика. – Такой шанс раз в жизни выпадает!

– Я это уже слышала недавно – относительно проникновения в санаторий... – буркнула Марина.

Но даже Надя заметила:

– Мариша, я хочу как можно быстрее избавиться от этой колючки. И если нам предложили помощь, то почему бы ее не принять...

Молодые люди, переговаривавшиеся неподалеку, тоже

пришли к какому-то выводу, и Кирилл сказал:

– Дамы, я буду рад, если вы примете мое предложение. Тут совсем недалеко. Мы, собственно, домой возвращались...

– Да, да, мы согласны! – заявила Вика. – Мальчики, только как же мы все разместимся-то в вашем классном «Мерседесе»? А он что, последней модели? И прямо из ФРГ?

– Макс и Артем тут подождут, пока я вас отвезу, а потом за ними вернусь, – пояснил Кирилл. – Вот увидите, все займет не больше десяти минут!

Марина оказалась на заднем сиденье автомобиля. Вика зашептала ей на ухо:

– Ты только посмотри, здесь сиденья из настоящей кожи! Черт, сколько же это все стоит?

Автомобиль взревел двигателем и рванул с места. Кирилл не обманул – им понадобилось даже меньше десяти минут, чтобы оказаться на месте. «Мерседес» затормозил перед высоченным железным забором, а после того как ворота открылись (девушки увидели рядом с ними будку с охранниками), они попали в сказочный лес. Серпантин уводил ввысь, и вскоре Марина увидела величественный дом, больше похожий на небольшой дворец, расположившийся на вершине скалы.

– И вы тут живете? – воскликнула в эйфории Вика. – Круто!

– Ну, не я, а мои родители, вернее, отец, – пояснил Кирилл, помогая Наде выбраться из автомобиля. – Они сейчас

за границей, в Карловых Варах...

– Ой, как я мечтаю там побывать! – заявила Вика. – Кирюша, а кто ваши родители?

Марина одернула подругу, а та недовольно прошипела:

– Зимина, чего тебе надо? Что, спросить нельзя? Я просто беседу поддерживаю!

Они попали в огромный холл дома, и у Марины даже дыхание перехватило при виде такого великолепия. Она с родителями жила в двухкомнатной «брежневке», а особняк, в который сейчас попала, был, скорее всего, выстроен по спецпроекту. Мрамор, гранит, темное дерево, стекло...

Кирилл помог Наде добраться до гигантской софы, стоявшей в гостиной, и спросил:

– Вы не возражаете, если я сначала съезжу и заберу Макса с Артемом, оставлю вас минут на пятнадцать-двадцать в одиночестве? А как только вернусь, мы займемся вашей ногой, Надя...

– Нет, нисколечко не возражаем! – ответила вместо Нади Вика. – И, Кирюша, можешь обращаться к нам на «ты». А то «вы» звучит как-то вычурно и натянуто!

– Холодильник в вашем полном распоряжении, – сказал Кирилл и, улыбнувшись Марине, исчез.

Вика воскликнула:

– Ну что, Егорченко и Зимина, вы поняли, что я имела в виду, когда говорила, что этот отпуск вы до конца жизни не забудете? Не зря нас в санатории поймали, не зря Надюха

ногу проколола! Случись все иначе, мы бы на этих красавчиков никогда не напоролись.

Она распахнула дверь и вышла на террасу. Марина последовала за подругой. Терраса была огромной (наверное, раза в два больше, чем квартира ее родителей в Горьком), а далеко внизу расстилалось море и чернели скалы.

– Вот это, я понимаю, жизнь! – восторгалась Вика. – Кирюша, сразу видно, золотой мальчик, папаня у него наверняка важная шишка. Директор завода или, может, даже кто-то с самого верха, из правительства и партии. Ты видела, как он на меня смотрел? Вот бы мужа такого!

Вика вернулась в гостиную и принялась деловито ее осматривать.

– Так... Все, похоже, импортное. Ну еще бы, не стенку же «Виола», произведенную на целлюлозно-стружечном комбинате города Сочи, им сюда ставить.

– Вика, прекрати устраивать обыск в чужом доме! – потребовала Марина. Но Вику было не остановить. Она ринулась на второй этаж, и оттуда послышался дикий вопль:

– Ой, какая спальня! А что за ванная! Такую только в зарубежных фильмах и увидишь! Ого, да тут даже бассейн имеется!

Марина, которую тоже распирало любопытство, прошла на кухню. Два высоченных (конечно же, импортных) холодильника, в одном снесь, в другом напитки. И чего там только не было! Огромное количество колбас и прочих мясных

изделий, икра черная и красная, свежие овощи и экзотические фрукты, названия большинства из которых девушка просто не ведала.

Почувствовав жажду, Марина выудила бутылку минералки. Подоспевшая Вика извлекла шампанское, не забыв прокомментировать:

– «Дом Периньон», ничего себе!

– Иванова, не трогай!

– Кирюша сам сказал, что мы можем заглянуть в холодильник! – заявила Вика. – Так, где у них бокалы? Ну что, дамы, отпразднуем счастливый миг? За колючку в Надькиной невытой пятке!

Послышался шум подъезжающего автомобиля, и в гостиную через минуту вошли Кирилл, Максим и Артем. Марина рассмотрела двух приятелей гостеприимного хозяина: коренастый, весь в белом Максим, а Артем высокий, с черными волосами и в очках в модной оправе.

– Хорошая мысль – шампусик! – улыбнулся Максим. – За знакомство!

Тон молодого человека, бесцеремонно плюхнувшегося рядом с Надей на софу, Марине не понравился, однако она промолчала.

Кирилл принес чемоданчик с красным крестом и вручил его Артему.

– Ты же у нас будущий нейрохирург, так что справишься и с пяткой.

– Ой, ты нейрохирург? Как интересно! – зашебетала Вика. – Мальчики, если бы вы знали, что с нами сегодня произошло!

Шампанское на голодный желудок начало оказывать свое действие, и Вика принялась в подробностях рассказывать о том, что им пришлось пережить за последние несколько часов. Артем извлек колючку из ноги Нади, смазал пятку йодом и перевязал. Заиграла музыка – Кирилл включил магнитофон, и словно по волшебству на низком стеклянном столике возникли яства и напитки.

– Быть может, нам пора домой... – заикнулась Марина, но Вика зашипела:

– Ты что! И вообще, Зимина, не мешай нам отрываться по полной!

Странно, что и Надя, обычно робкая и стеснительная, явно тоже хотела остаться в гостях. Она, как поняла Марина, положила глаз на своего спасителя – Артема.

Кирилл все подливал и подливал шампанское в бокалы девушек (сами же молодые люди практически не пили). Час спустя, когда Вика с горем пополам завершила свой длинный рассказ, насыщенный выдуманными деталями, обстановка стала задушевной, почти интимной. Надя беседовала о чем-то с Артемом, и тот, как отметила Марина, поглаживал ее руку. Вика всю танцевала с Кириллом, прижимаясь к нему, хохоча и звонко хлопая партнера то по спине, то по ягодицам. А Максим проявлял интерес к ней, к Марине.

Вот он приблизился с двумя бокалами, говоря:

– Просто счастливый случай, что мы вас повстречали. А то сегодня такой облом вышел...

– Что? – переспросила Марина, но молодой человек тотчас сменил тему:

– Я хотел сказать, что очень рад нашему знакомству. За это надо обязательно выпить. Причем никакие возражения не принимаются!

И он протянул Марине полный до краев бокал. Волей-неволей девушке пришлось отпить, а Максим, подмигнув, добавил:

– А вот у меня, кстати, и витаминчики есть.

Он извлек из кармана коробочку, в которой находились желтые пилюли.

– Что это? – спросила Марина.

– Я же говорю, витамины. Делают тебя бодрым и счастливым. Хочешь попробовать?

Марина отказалась, а Максим отправил в рот сразу две штуки.

– Ну, как хочешь, малышка! – Он плюхнулся рядом с Мариной. – Или, может, передумаешь? Товар высший сорт, Артемка же имеет доступ к таким вещам, у него папаша...

Кем является папаша Артемки, Максим так и не договорил, потому что внезапно полез к Марине с поцелуями. Девушка оттолкнула молодого нахала, поставила на ковер бокал с недопитым шампанским и сказала:

– Думаю, нам пора! Наша хозяйка наверняка уже очень сильно беспокоится...

– Нет, вечер только начинается! – заявил Максим и вдруг притянул к себе Марину. Она, потеряв равновесие, шлепнулась ему на колени. – Вот видишь, какой я снайпер!

– Я не хочу! – воскликнула Марина громко. В тот же момент около них оказался Кирилл. Он строго посмотрел на Максима: – Макс, если Мариша не хочет, то не приставай к ней. И вообще, тебе надо бы освежиться. Опять витаминчики принял? Ты и так уже наглotalся сегодня достаточно!

Максим, лицо которого исказила странная судорога, выбежал из гостиной. Марина вышла на террасу и, облокотившись на перила, всмотрелась в черную даль. Ей хотелось одного – попасть в домик Ирины Петровны. Но Вика и Надя чувствовали себя в гостях отлично, поэтому придется выдерживать еще несколько часов.

– А вот и я! – услышала она голос Максима. Тот приблизился к Марине и виноватым тоном произнес: – Я не хотел сделать тебе больно. Кстати, ты уже видела бассейн? Хочешь, покажу?

Марина попыталась объяснить молодому человеку, что хочет побыть одна на свежем воздухе, однако Максим и слушать ничего не хотел. Схватив девушку за локоть, причем пребольно, он потащил ее по террасе. Марина попыталась вырвать руку, но у нее ничего не получилось – Максим был намного сильнее.

Они оказались в противоположном крыле дома (терраса, оказывается, была круговой), и Марина увидела большой прямоугольный бассейн, заполненный прозрачной водой, искусно подсвеченной крошечными лампочками.

– Самое время охладиться! – глуповато хихикнул Максим. – А то я такой горячий! Сама убедись!

И он, схватив ладонь девушки, приложил ее к своей щеке. Марина почувствовала, что молодой человек в самом деле так и пышет жаром.

– От витаминчиков всегда так, – произнес он хрипло. – И еще имеется другое побочное действие – жутко хочется трахаться...

Парень в мгновение ока скинул футболку, обнажив крепкое, рельефное тело.

– Ну что же ты стоишь? Давай тоже раздевайся! – Он вдруг обнял и поцеловал девушку. Марина, сопротивляясь, попыталась оттолкнуть Максима, но тот весил раза в два больше, чем она. Его похотливые, горячие руки шарили по ее фигуре. Марина ударила молодого человека по спине кулачками, но Максим только снова хихикнул:

– Ого, ты мне массаж хочешь сделать?

Он повалил ее на стоявший около бассейна шезлонг. Исхитрившись, девушка сумела ударить Максима в пах коленкой. Тот с воем отпрянул от нее, и Марина вскочила с шезлонга.

– Ну, ты за это ответишь, тварь! – злобно вскрикнул Мак-

сим. – Думаешь, мы просто так привезли вас сюда? У нас были сегодня вечером на примете три крали, но они дали нам от ворот поворот. Поэтому когда Кирюха увидел вас, трех телок, на обочине, у нас сразу созрел план...

Вот, оказывается, чем объясняется столь редкостное гостеприимство, поняла Марина. Три подонка решили, что три заблудившиеся девушки на дороге – подходящая добыча!

Максим грубо схватил Марину и снова толкнул ее на шезлонг со словами:

– И учти, сделаешь все, что я хочу, иначе будет очень больно!

Девушка укусила парня за руку, тот взвизгнул и выпустил ее. Марина недолго думая толкнула растерявшегося казанову в грудь, и он полетел в бассейн, подняв фонтан брызг.

* * *

Не дожидаясь, пока он выберется, Марина побежала по террасе обратно в гостиную. В ее голове билась только одна мысль – как можно быстрее покинуть чудесный дворец, оказавшийся страшной ловушкой!

В гостиной ее глазам предстала странная картина: Вика, распластавшись в картинной позе, лежала на белом ворсистом ковре, а около нее стоял на коленях растерянный Кирилл и подносил к ее губам бокал с водой.

– Вика, вставай! – подбежала к подруге Марина. – Мы

больше здесь не задержимся! Пойдем домой пешком!

И вдруг увидела испуганное выражение лица Нади и трясущиеся руки Кирилла.

– Артем, ты же врач, черт побери... – бормотал сын хозяев дачи. – Сделай что-нибудь...

Но Артем стоял рядом столбом, не шевелясь.

Внезапно Вика затряслась, и на губах у нее появилась пена. Марина охнула, и в этот момент в гостиную влетел Максим, с которого струями стекала вода.

– Вот ты где, дрянь! – проревел он. – Ну, не хочешь похорошему, будет по-плохому!

– Макс, заткнись! – прикрикнул на него Кирилл. – Не видишь, девочке стало плохо!

Вика выгнулась дугой, издала хриплый звук и снова замерла. Артем, все так же не шевелясь, беспомощно произнес:

– Похоже на сильную аллергическую реакцию. Я бы сказал – анафилактический шок. Кир, что она приняла?

– Всего-навсего витаминчики! – бросил молодой человек, поднимаясь на ноги и нервно закуривая. – Те самые, новые, что ты достал. Я три штуки растворил в коктейле, думал, это сделает ее более сговорчивой...

Марина опустила перед подругой на колени, бережно приподняла ее голову и закричала:

– Что с ней? Почему Вика без сознания?

– Я же сказал, по всей видимости, анафилактический

шок. – Голос Артема был каким-то плаксивым. – Кир, надо срочно вызвать «Скорую». Или позови охрану, может, они смогут доставить девчонку в больницу.

Кирилл, жадно затягивавшийся пахучей заграничной сигаретой, чуть не подавился дымом:

– Ты что, сбрендил, Артем? Фазер понятия не имеет, что мы сейчас здесь, на даче! Представляешь, какой скандал он мне закатит, если узнает, чем мы тут занимаемся! С меня прошлогодней истории хватило! Я же слово ему дал, что ничего подобного не повторится!

Марина попыталась нащупать пульс на руке Вики, но не смогла.

Трое молодых людей обменялись странными взглядами. Артем отодвинул Марину, произвел какие-то манипуляции над Викторией и прошептал:

– Она не дышит... пульса у нее нет...

– Ну так делай ей искусственное дыхание, черт побери! – взорвался Кирилл. – Ты же врач, будущая звезда нейрохирургии!

Артем принялся буквально терзать Вику, но эффекта его действия не возымели. Парень уныло признался:

– Я ничего поделать не могу. Нужны медикаменты, которые требуется ввести ей внутривенно, причем немедленно, дабы заблокировать действие амфетаминов. Так что я бессилен.

Кирилл бросил на пол недокуренную сигарету и раздавил

ее ботинком.

– Что ты хочешь сказать? Она что, без сознания, в коме? И когда придет в себя? Разбуди же ее!

Артем, сняв очки, виновато произнес:

– Девочка не спит, она агонизирует. Причем даже если вызвать «Скорую»... Пока медики найдут дорогу в горах и придут сюда... Нет, реанимировать ее все равно не получится.

Внезапно тело Вики снова затряслось, и Марина воскликнула:

– Она жива, ей еще можно помочь! Ну, пожалуйста!

Артем, водрузив очки на нос, авторитетно заявил:

– Происходят неконтролируемые сокращения мышц, сейчас все прекратится. Сердечная деятельность остановилась минут пять-семь назад... Ну да, мозг все равно уже не спасти...

И Вика вдруг затихла. Марина заплакала, а Надя, вскочив с места, закричала:

– Этого не может быть! Вы должны ей помочь! Где у вас телефон?

Кирилл грубо, со всей силой, пихнул Надю назад на софу.

– Ну-ка, закрой пасть! И вообще, веди себя смирно! Здесь не твой дом, не ты здесь распоряжаешься!

Затем он обратился к Артему:

– Ты уверен, что у нее не обморок? Может, ей воды в лицо плеснуть или иголкой ее кольнуть?

– Девчонка умерла, – ответил тот вполне спокойным то-

ном. – Я хоть и студент, но трупов повидал достаточно. Говорил я вам, что витаминчики до добра не доведут!

– Господи, мне родители шею свернут... – произнес еле слышно Максим, и его жалкий тон совершенно не вязался с крупной фигурой парня. – Черт тебя дернул, Кир, давать потаскухе наркоту!

Надя резко поднялась с дивана.

– Дайте мне телефон, я хочу вызвать «Скорую». И заодно милицию! Вы... вы сволочи, ребята, вы знаете? Учтите, вы за это ответите по закону!

– Вичка, милая, вставай! – приговаривала Марина, поглаживая подругу по руке. Ей казалось, что Вика вот-вот откроет глаза и все разъяснится.

– Ну хорошо, я сама найду телефон! Или лучше сразу отправлюсь на пункт охраны и расскажу обо всем... – заявила Надя и направилась к двери.

Кирилл в два огромных прыжка настиг ее, схватил за волосы и потащил в сторону террасы. Марина ахнула, бросилась подруге на помощь, но ее перехватил Максим.

– Никто никуда не пойдет! – заорал Кирилл хрипло. С размаху ударил Надю по лицу и швырнул ее на пол. – Сиди смирно, иначе худо придется!

Марина в ужасе посмотрела на молодых людей, а затем перевела взгляд на Вику.

– Но вы не можете ее так оставить! – заявила она. – Может быть, если вызвать врачей...

– Хорошенькая, однако, история... – забормотал, не слушая ее, Артем. – На черноморской даче заместителя Председателя Совета Министров СССР, члена Политбюро ЦК КПСС, товарища Дмитрия Евсеевича Гелло обнаружено мертвое тело... И в смерти девицы виноват не кто иной, как единственный непутевый сын товарища Гелло Кирилл...

– Заткнись! – прикрикнул на друга Кирилл. – Думаешь, твой папаша, замминистра здравоохранения, будет жутко рад, когда узнает, что и ты замешан в этой истории?

– А мне родители шею свернут, – все так же жалобно повторил Максим. – Я же им обещал, что больше никаких скандалов...

У Марины закружилась голова. Ей так хотелось, чтобы происходящее оказалось дурным сном, наваждением, миражом. Ведь как невинно все начиналось – три студентки, проводящие отдых на Черном море, решили проникнуть в санаторий работников кино и сцены. А закончилось все тем, что Вика... что Вика умерла на полу дачи члена Политбюро!

– И скандалов больше не будет, – заявил упрямо Кирилл. – Если все станет известно, карьера моего фазера накроется. Новый-то генсек внимательно следит, чтобы в моральном плане у его соратников все было чисто. Отца моего он недолюбливает и воспользуется предлогом, чтобы отправить его на пенсию. Из-за меня! Нет, нет и нет.

– Так что же делать? – прошептал Максим. – Может, все-таки милицию вызвать? Или родителям позвонить, узнать,

как поступить?

– Ну, ты еще в Кремль звякни и совета у Михал Сергеича попроси, – зло скривил губы Кирилл. – Макс, у тебя что, в башке одни опилки? Звонить никуда не будем! А девчонки...

Он взглянул на Марину и Надю. Надежда с вызовом бросила:

– А девчонки этого так не оставят! Думаете, вам все сойдет с рук только потому, что у вас такие могущественные родители?

– Он пытался меня изнасиловать, – добавила Марина, указав на Максима. – Я заявление в милицию подам.

– Вот видишь! – крикнул Максим. – Все, нам крышка! Как только дуры окажутся на воле...

Артем холодно улыбнулся и, переглянувшись с Кириллом, заговорил:

– Ну, дамы, зачем же нам угрожать! Не забывайте, что вы находитесь в наших руках, а не наоборот. И вообще, кто вам поверит? Вы же занимались проституцией, ловили клиентов на трассе. Мы все это подтвердим. А витаминчики... Они были у вас с собой, вы ими и нас пытались угостить, но мы, конечно же, отказались...

– Ложь! – воскликнула Надя. – Ничего, будет следствие, и вас на чистую воду выведут!

– Ты же видишь, их нельзя отсюда выпускать, – схватился за голову Максим. – Из-за них мы все в тюрьму отправимся.

– Вам там самое и место! – провозгласила Надя. – Так

что я требую пропустить нас к двери. Немедленно! Я хочу вызвать «Скорую» и милицию!

Артем медленно, как бы задумчиво, произнес:

– Да, накрылась моя карьера медика... Да и твоя дипломатическая, Макс, тоже... И твоя, Кир, в роли экономиста... И все из-за какой-то швали!

Надя попыталась прорваться к двери, но молодые люди удержали ее.

– И что вы намерены делать? – спросила она. – Запереть нас в подвале и уморить голодом? Учтите, нас наверняка уже ищут! Тетя Ира обратится в милицию!

– Что же нам делать, Кир? – затрясся Максим. – Мы же не можем их вечно держать здесь. Да и труп... С ним тоже надо что-то предпринять...

Марине было так странно слышать, что кто-то говорит о трупе и имеет в виду Вику. Ту самую веселую, безалаберную, предприимчивую Вику, которой всего два месяца назад исполнилось двадцать!

– Конечно, не можем, – кивнул Кирилл, что-то обдумывая. – Девушки, давайте договоримся так: вы будете обо всем молчать, а взамен получите много денег.

– Ни за что! – заявили одновременно Марина и Надя. – Вы убили нашу подругу...

– Вот ведь заладили одно и то же, – поморщился Максим. – А может, их тоже того? Ну, я имею в виду... кокнуть...

Надя подошла к перилам террасы.

– Значит, вы отказываетесь выпустить нас отсюда? Да еще вслух размышляете о том, что хорошо бы нас убить! Ну что же...

И она, набрав в легкие воздуха, закричала:

– Помогите! На помощь! Срочно вызовите милицию и «Скорую»...

Затем Надя вскарабкалась на бетонное ограждение, продолжая кричать:

– Если не выпустите через дверь, значит, мы уйдем по скалам! Милиция! Спасите! Нас хотят убить!

Марина присоединилась к подруге и принялась вместе с ней звать на помощь. Разъяренный Кирилл бросился к балансировавшей на бетонном ограждении Наде, попытался ее стащить, но девушка изо всех сил отбивалась. И в тот момент произошло непредвиденное: Кирилл сильно толкнул Надю, она ахнула и спиной полетела куда-то вниз, во тьму. Мгновением позже раздался отчетливый страшный звук – звук удара тела о камни. И наступила тишина.

* * *

Марина как замороженная смотрела в черную южную ночь. Секунды тянулись, как часы. Она бросилась к перилам, перегнулась через них и взглянула на скалы, спускавшиеся вниз, к морю. Там, на камнях, что-то белело. И это «что-то» было Надей.

– Надюшенька, с тобой все в порядке? – спросила она жалобно, но ответа не получила. Только шелест волн, треск цикад и отдаленные крики чаек.

– Что ты наделал, болван? – заорал обычно сдержанный Артем.

– Она сама, я не виноват! – Кирилл взобрался на перила, а затем осторожно спустился вниз. – Да тут и черт ногу сломит... Эй, как тебя, подымайся! Ну, помочь тебе? Давай, шевелись!

Через несколько мгновений Кирилл снова оказался на террасе. Его руки были в крови. На молодом человеке не было лица.

– Она... она умерла... – прошептал он. – У нее голова в крови, и шея вывернута так странно... Черт, черт, черт!

Парень кинулся назад к ограждению, перегнулся через перила, и его начало рвать.

Теперь Марина перебралась на камни за парашютом. Склон оказался очень крутым, но девушка, шатаясь, с трудом удерживаясь на ногах, упрямо шла к белому пятну.

Голова Нади была вся липкая, наверное, от крови. И... и как будто в шее у нее не было ни единой косточки. Марина прижала к себе голову подруги, звала ее, пытаясь привести Надю в чувство, но тщетно. Нет, это не был дурной сон, это был самый настоящий кошмар – в течение получаса она потеряла двух своих подруг. Сначала Вика, а теперь и Надюша...

Зашуршали камни, рядом появился Артем. Изучив тело под светом мощного фонарика, он пробормотал:

– Ну да, сомнений быть не может, она скончалась. Скорее всего, мгновенно. Перелом основания черепа...

Марина громко и судорожно вздохнула, чувствуя, что перед глазами у нее все плывет. Артем крикнул:

– Эй, парни, помогите мне! А то еще и третья сейчас очуруется!

Совместными усилиями молодые люди затащили Марину обратно на террасу, отвели в гостиную и уложили на диван. Она все порывалась встать, но Артем строго сказал ей:

– Я врач, так что слушайся меня!

Затем протянул девушке бокал воды. Марина жадно отпила и вдруг дернулась, почувствовав странный сладковатый привкус. Но поздно – Артем почти насильно влил оставшуюся жидкость ей в рот.

– Так-то лучше... – удовлетворенно пробормотал он.

В ушах у Марины зазвенело. Сквозь какую-то пелену, затмившую свет, она видела трех молодых людей, которые, стоя около дивана, держали совет.

– И что теперь? – спрашивал Максим. – От двух трупов, а тем более от трех, избавиться намного сложнее, чем от одного.

– У меня имеется план, – ответил Кирилл. – Сейчас эта дура потеряет сознание, и тогда...

Марина ощутила страшную слабость. Глаза закрылись са-

ми собой, и все исчезло, как будто и не было сегодняшнего жуткого дня и смерти двух ее лучших подруг...

* * *

Очнувшись, Марина первым делом почувствовала, что у нее затекла правая рука – наверное, она лежала на ней все время. В глаза ударил яркий свет, и девушка зажмурилась. Ну вот, ночной кошмар остался позади. Надо же, какой реалистичный и долгий у нее был сон! И какой сумбурный! Сейчас она встанет и расскажет Вике и Наде о том, что в ее сне они умерли... Или такие ужасы подружкам лучше все же не рассказывать?

Марина с большим трудом поднялась – и увидела, что находится не в домике Ирины Петровны. Она отчего-то лежала на гальке, и в паре метров от нее плескалось море. Ощущая во рту металлический привкус, осмотрелась – местность была незнакомой. Как она сюда попала?

Под ногами что-то звякнуло, и Марина увидела несколько пустых бутылок. А чуть дальше – Вику. Бросилась к ней, попыталась растормошить – и увидела бездумный взгляд глаз подруги. Вика была мертва. А еще поодаль лежала Надя. И Марина не сомневалась, что Надя тоже мертва. Значит, ее кошмарный сон был кошмарной реальностью? Но как же так? Что она делает на пустынном берегу, как она здесь оказалась...

В этот момент раздался чей-то истошный крик:

– Папа, мама! Тут кому-то требуется помощь!

И Марина увидела семью из трех человек (подросток, мужчина с черной бородой и полная женщина в купальнике), в страхе взиравших на нее. Марина, опустившись около тела Нади, прошептала:

– Вызовите милицию, прошу вас! И «Скорую»...

Хотя она знала, что последнее бесполезно: и Вика, и Надя давно мертвы...

* * *

День никак не заканчивался. Сначала на место происшествия прибыла милиция, немногим позже – карета «Скорой помощи». Марина плохо помнила события предыдущего вечера и ночи, как будто кто-то стер их из памяти ластиком. Однако постепенно она сумела восстановить цепочку: все началось с приключения в санатории работников кино и сцены, затем она с подругами шла по шоссе, потом – встреча с тремя молодыми людьми...

В сочинской больнице, куда доставили Марину, ее навестила встревоженная Ирина Петровна. Узнав, что Надя и Вика скончались, женщина никак не могла прийти в себя. Да и Марина не хотела верить в то, что потеряла двух лучших подруг. Она наконец вспомнила фамилию члена Политбюро, сыном которого был Кирилл, – Гелло. Убийц Надюши и Ви-

ки найдут и покарают!

Вечером ее навестил мужчина средних лет, оказавшийся заместителем прокурора города Сочи. Он еще раз подробно расспрашивал Марину о случившемся. Воспоминания, до сих пор словно замороженные, начали «оттаивать», и девушка могла сообщить массу новых деталей.

Выслушав Марину, заместитель прокурора вдруг строго сказал:

– Марина Александровна, я предлагаю вам все же сказать мне правду, а не потчевать сказками!

– Но я говорю правду! – удивилась его словам девушка. – Вам будет легко установить, что мы в самом деле были в санатории...

Прокурор скупно усмехнулся:

– Да, вы правы, это оказалось не так сложно проверить, вас там прекрасно помнят. Еще бы, вы прибыли на украденном катамаране, пытались обокрасть известных актеров, устроили в ресторане дебош, затем напали на директора ресторана и заместительницу директора санатория, угрожали им физической расправой...

– Ничего такого не было! – слабо возмутилась Марина, все еще неважно себя чувствующая. – Наше проникновение на территорию санатория – не более чем глупая выходка...

– Ничего себе глупая выходка! – картинно удивился заместитель прокурора и выудил из кожаной папки несколько листов бумаги. – Вот заявление работников санатория. Вас

обвиняют в серьезных правонарушениях – попытке ограбления, нанесении физических увечий. Вы ведь напали на директора ресторана с ножницами! Имеются и свидетели.

Марина растерялась, не зная, что еще сказать. Она почему-то представляла себе, что все пойдет по-другому. А получается, прокурор видит ее не в качестве жертвы, а в качестве преступницы!

– Тут какая-то ошибка! – устало произнесла девушка. – Но ведь вы нашли Кирилла Гелло? У него есть два приятеля – Максим и Артем. Максим пытался меня изнасиловать...

Прокурор вздохнул, положил документы обратно в папку.

– Итак, Марина Александровна, проясним ситуацию. В окрестностях Сочи, вы правы, находятся дачи государственных деятелей, и на одной из них часто отдыхает Дмитрий Евсеевич Гелло вместе с семьей. Это не является большим секретом, местные о его визитах в курсе, так что вы вполне могли узнать кое-что о нем, скажем, от вашей хозяйки или от случайных знакомых на пляже. Как и то, что у уважаемого Дмитрия Евсеевича имеется сын по имени Кирилл. Не исключаю, что вы даже с ним встречались, например, в каком-либо сочинском ресторане или кафе...

Марина попыталась возразить, но заместитель прокурора властно перебил ее:

– Марина Александровна, у вас слишком буйная фантазия, подстегнутая к тому же большим количеством спиртного и наркотических веществ, которые обнаружили в ва-

шей крови! Так же, как в крови двух ваших подруг, которые, и тут вы правы, увы, мертвы. Только совершенно непонятно, какое отношение имеет ко всему случившемуся Дмитрий Евсеевич Гелло и его сын Кирилл!

Марина, чувствуя неожиданную злость, заявила:

– Самое прямое! Я уже сказала, что молодые люди пригласили нас на дачу, причем, как признался Максим, они с самого начала хотели... хотели склонить нас к сексуальным действиям...

Прокурор не дал ей договорить:

– Марина Александровна, советую вам не усугублять свое положение облыжными обвинениями уважаемых людей в вымышленных преступлениях. Итак, скажите, где вы познакомились с Кириллом Гелло?

– Я уже вам сказала, вчера поздно вечером на трассе... – начала девушка, но прокурор снова прервал ее:

– А следствие располагает иными фактами! Вы вместе с вашими подругами, тогда, разумеется, еще живыми, прилюдно приставали к Кириллу Дмитриевичу Гелло и его друзьям в ресторане «Барракуда» вчера вечером. Видимо, после того как вас выдворили из санатория, где вы учинили дебош и попытались обокрасть отдыхающих, вы направились в ресторан «Барракуда», расположенный на трассе, где в тот момент ужинал Кирилл Гелло вместе с друзьями.

– Нет, все не так! Я не была в ресторане, у меня имеются свидетели... – начала Марина и осеклась: единственными

свидетелями были Вика и Надя. Только подружки уже ничего не могли сказать в ее защиту!

– Ага, и кто же ваши свидетели? – спросил заместитель прокурора ехидно. – Только не говорите, что ваши покойные подружки, Виктория Иванова и Надежда Егорченко. В распоряжении следствия находятся показания работников ресторана, а также нескольких посетителей. Вы чрезвычайно развязно вели себя, видимо, под влиянием большого количества алкоголя и наркотических средств, отказались платить по счету, разбили зеркало в дамской уборной, обматерили официантку и все время приставали к Кириллу Гелло и его друзьям, во всеуслышанье предлагая... гм... предлагая услуги интимного характера за деньги. И вас вместе с вашими подружками снова выставили вон!

Марина не знала, что и сказать. Ложь была такой наглой, что у нее перехватило дыхание, а все мысли смешались.

– Вижу, что вам нечего сказать в свое оправдание, – заметил заместитель сочинского прокурора. – Данная прискорбная сцена имела место примерно в ноль часов двадцать минут. А приблизительно в ноль часов тридцать пять минут Кирилл Гелло вместе со своими друзьями покинул ресторан «Барракуда» и отправился на дачу отца. Однако ни вы, ни ваши подружки его, естественно, не сопровождали, что подтверждается показаниями охранников дачного комплекса. А кроме того, в нашем распоряжении показания друзей Кирилла Гелло – Максима Зотова и Артема Белоцерковского,

а также сестры Кирилла, Анжелы.

– Какой сестры? – удивилась Марина. – Не было там никакой сестры!

– Разумеется, была! – отрезал заместитель прокурора. – Анжела Дмитриевна Гелло, аспирантка Института международных отношений, находившаяся на даче отца, подтвердила, что ее брат вместе с друзьями приехал примерно в ноль часов пятьдесят минут и никаких девиц вместе с ними не было, что полностью совпадает с показаниями охранников.

– Они же элементарно лгут! – возразила Марина.

Заместитель прокурора развел руками.

– Значит, мы имеем дело с гигантским заговором? Все – множество людей, заметьте! – обманывают, и только вы говорите правду? Ну, знаете ли, Марина Александровна, это уж чересчур! И теперь у меня к вам несколько вопросов. Как все же умерли ваши подруги и какое отношение к их смерти имеет лично вы? Между вами вспыхнула ссора? Или девушки погибли в результате несчастного случая? А может, произошло непреднамеренное убийство?

Марина почувствовала, как ее захлестывает отчаяние:

– Но ведь я уже сказала вам правду! Кирилл Гелло...

– Оставьте в покое Кирилла Гелло! – громыхнул голосом заместитель прокурора. – Ни он, ни его друзья не имеют к случившемуся ни малейшего отношения. У них стопроцентное алиби! Да и вы утверждаете, что ваши подруги скончались ночью, первая в половине третьего, вторая в три. Но

данные экспертизы указывают на то, что Виктория Иванова и Надежда Егорченко умерли примерно в одно и то же время, а именно между пятью и шестью часами утра! Именно тогда, когда вас с вашими, заметьте, еще живыми подружками видели на пляже в компании кавказцев! Итак, Марина Александровна, вы готовы сказать мне правду?

Марина растерялась, по щекам девушки покатались слезы. Тон заместителя прокурора стал отеческим:

– Да, понимаю, что вам тяжело. Из-за своей глупости вы потеряли двух лучших подруг. Думаю, дело было следующим образом: одна из ваших подруг оступилась, упала с утеса, вторая же скончалась от передозировки наркотических веществ. Находившиеся с вами случайные знакомые тотчас скрылись, оставив вас одну с двумя трупами. А вы, придя в себя, испугались и решили выдумать историю о том, как вас истязали молодые люди, которых вы видели минувшей ночью и которые отказались от предложения ваших услуг сексуального характера. Да, я понимаю вашу ситуацию, Марина Александровна. Еще бы: два трупа, аморальное поведение, наркотики, к тому же дебош в санатории и ресторане... Все это может выйти вам боком! Поэтому вы и придумали свою нелепую историю, пытаясь возложить собственную вину на плечи ни в чем не повинных молодых людей.

– Но... но... – попыталась вставить Марина.

– И никаких «но»! Вы хотите, чтобы произошедшая с вами история стала публичной? Чтобы о вашем, мягко говоря,

легкомысленном поведении сообщили в вуз, где вы учитесь? Так, знаете ли, можно и вылететь из университета! А ведь вы хорошистка, к тому же, не исключено, собираетесь продолжить обучение в аспирантуре. Но после такого скандала ваши планы ни за что не сбудутся! И вообще, прокуратура готова возбудить против вас ряд уголовных дел – попытка кражи, нанесение физических увечий, клевета, проституция, распространение наркотических субстанций. Знаете, на сколько это потянет?

Марина молчала.

– Вижу, вы задумались над моими словами! – с удовлетворением заметил гость. – Но, конечно, существует и иная возможность. Советский закон с пониманием отнесется к тому, что вы полностью признаете свою вину. И в таком случае, думаю, можно будет устроить так, чтобы уголовное дело не возбуждалось, а гибель ваших подруг была бы квалифицирована как... как нелепый несчастный случай. Тогда, конечно же, не будет смысла сообщать о вашем, м... не соответствующем званию комсомолки поведении в ректорат. Я сам был молодым и знаю, к чему может привести употребление изрядного количества алкоголя... Так что подумайте обо всем, Марина Александровна, причем как следует! Я навещу вас завтра, и мы детально обсудим дальнейшие наши шаги.

Марина не спала целую ночь, размышляя о предложении, сделанном заместителем прокурора. Если она будет настаивать на своей версии, то к чему это приведет? К большому скандалу, жертвой которого станет она сама. Да и Вику с Надей ведь не воскресить... Но получится, что она предаст их память? А Кирилл Гелло и его дружки выдут сухими из воды?

Когда на следующий день прокурор снова пришел, Марина заставила себя сказать ему:

– Я приняла решение. Да, все было именно так, как вы и говорили.

– Ну вот, я же знал, что вы разумная девушка! – с некоторым облегчением, как показалось Марине, вздохнул посетитель. – А у меня и бумаги нужные имеются. Так что ознакомьтесь с ними и подпишите.

Он протянул Марине пачку листов. Она просмотрела их – это были ее собственные показания. «Находясь под воздействием большого количества алкоголя и наркотических веществ...», «решили приятно провести время, поэтому отправились в ресторан «Барракуда»...», «...где познакомились с тремя молодыми людьми, представившимися Рафиком, Шамилем и Тиграном...»

Заместитель прокурора протянул ей ручку с золотым пе-

ром, и Марина поставила подпись под своими «признаниями».

– Вот так, хорошо! Ну что же, вы проявили характер, Марина Александровна, и это будет учтено следствием. И еще одна бумага. Ознакомьтесь и тоже подпишите ее.

Марина пробежала глазами протянутый документ.

– Обязательство о неразглашении? – удивленно спросила она. – Можно подумать, что речь идет о государственной тайне.

– Подписывайте, подписывайте! – поторопил ее гость. – И учтите: срок действия данного документа бессрочный. Вам ведь не хочется, чтобы все время трепали имена ваших подруг? Да, Виктории и Надежде не повезло, но в жизни всякое случается... А за свои ошибки надо уметь нести ответственность!

И заместитель прокурора поднял вверх указательный палец. Марине стало до слез обидно. Получается, что все же предает своих подруг. А ведь на их месте могла бы оказаться и она: что, если бы она сама попробовала коктейль с «витаминчиками»... Или упала на камни с парапета террасы...

– Напоминаю вам, что вы только что подписали чистосердечное признание, и при необходимости оно может быть пущено в ход, – заметил заместитель прокурора. – Но мне так не хочется, чтобы вы оказались на скамье подсудимых! Так что же вы думаете, Марина Александровна?

Чувствуя себя предательницей и мерзавкой, Марина по-

ставила подпись под странным обязательством о неразглашении. Заместитель прокурора буквально вырвал его у девушки из рук и радостно крикнул:

– Ну вот, отлично, Марина Александровна!

– А что будет теперь?

– С вами? – засовывая обязательство о неразглашении в кожаную папку, спросил уже благодушно работник прокуратуры. – Еще денек подержат в больнице, а потом вы можете отправляться на все четыре стороны. Я помогу вам с железнодорожным билетом... Зачем вам задерживаться на курорте? Езжайте сразу домой!

– Я имела в виду – с Викой и Надей.

Заместитель прокурора вздохнул:

– Ну, ваши подруги тоже отправятся домой, и тоже поездом... Мой вам совет – забудьте о том, что произошло! Вас ждет учеба, затем аспирантура. Так зачем же все портить? Ваши подруги стали жертвами ужасного несчастного случая. Остальное я сам улажу.

– А что будет с... с ними? – рискнула задать вопрос Марина. – С Кириллом, Артемом и Максимом? Неужели они так и не понесут заслуженного наказания?

Заместитель прокурора нахмурился:

– О ком вы говорите, Марина Александровна? Я даже не имею понятия, кто они такие – Кирилл, Артем и Максим. Желаю вам скорейшего выздоровления! И не забывайте, вам сказочно повезло – в отличие от ваших подруг, вы остались в

живых. Так что используйте этот уникальный шанс! Желаю вам всего наилучшего!

* * *

На следующий день мужчина снова навестил ее и сообщил:

– Ну что же, все формальности улажены, Марина Александровна. По факту гибели гражданки Ивановой Виктории Сергеевны и гражданки Егорченко Надежды Семеновны вы проходите в качестве свидетельницы. Я говорил с начальством, вы можете покинуть Сочи и отправиться к себе на родину. О билете для вас я тоже позаботился: хоть сейчас и разгар сезона, однако вам выделили место в купированном вагоне. Поезд сегодня вечером.

– Так скоро! – воскликнула Марина. – А могу ли я видеть... видеть Вику и Надю...

Заместитель прокурора нахмурился, вздохнул.

– К чему это, Марина Александровна? Зачем вам переживать стресс заново? Вы должны отрешиться от старого и оптимистично смотреть вперед. Так что езжайте с чистой совестью домой!

Остаток дня Марина провела словно в трансе. Ей все мерещились голоса Вики и Нади, казалось – дверь вот-вот отворится и на пороге покажутся подружки. Но вместо них в семнадцать ноль-ноль появился молодой человек с жидкими

усиками и сказал:

– Марина Александровна, нам пора!

Они приехали на вокзал, сопровождающий извлек из багажника «Волги» чемодан Марины, занес его в купе, а на прощание оставил шикарный букет цветов и огромную коробку импортных конфет.

– Всего хорошего! – произнес он и удалился.

Марина, отвернувшись, почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Жизнь Нади и Вики оценена в букет цветов и коробку конфет! Только что она могла поделаться?

Когда поезд тронулся в путь, девушка выбросила букет в мусорку, а конфеты подарила проводнице – все равно в горло сладости не полезли бы. Проводница долго ахала и восхищалась. Марина улеглась на полку, накрылась с головой простыней и попыталась заснуть. Но перед глазами стояли лица Вики и Нади. Более всего она страшилась встречи с родителями подруг. Что сказать им? Неужели придется лгать и изворачиваться? Или они заслужили того, чтобы узнать правду?

В Горьком ее встречали не родители, а пожилой седой мужчина, оказавшийся работником прокуратуры. Он помог ей с чемоданом, а потом сказал:

– Я довезу вас до дома, Марина Александровна!

Их ждала черная «Волга», как две капли воды похожая на ту, что доставила девушку в Сочи на железнодорожный вокзал.

По пути мужчина еще раз напомнил Марине, что она дала письменные показания и взяла на себя обязательство ничего из того, что произошло, не предавать огласке.

– И даже родителям вы не должны рассказывать о случившемся, – подчеркнул работник горьковской прокуратуры мягким тоном, в котором, однако, можно было слышать угрозу. – Никто ничего не должен знать! Ну вот, мы и приехали. Родным о вашем возвращении мы ничего не сообщали. Зачем их беспокоить? Объясните, что решили прервать отдых по причине несчастного случая, произошедшего с подругами. Скажите, что они попали в больницу, а больше вам ничего не известно. Но никаких подробностей! Остальное мы возьмем на себя. Если будут проблемы, смело обращайтесь ко мне, я всегда помогу!

* * *

Папа с мамой были несказанно удивлены, придя с работы и застав дочку дома. Марина сухо сказала, что обстоятельства заставили ее уехать из Сочи пораньше.

– А ты отлично загорела, – заметил отец.

– Вика и Надюша тоже вернулись с тобой? – спросила мама. – И как тебе удалось поменять билеты на поезд? Это же очень сложно в летнее время.

– Вика и Надя остались... Они в больнице, – опустив глаза, ответила Марина. Ей очень не хотелось обманывать двух са-

мых своих любимых людей на свете, но иного не оставалось.

Мама всплеснула руками, отец живо поинтересовался:

– А что с ними приключилось? Что-нибудь серьезное?

– Кажется, несчастный случай, – глухо произнесла Марина. – Но я ничего толком не знаю.

Отец и мама приняли решение, что ставить в известность родителей Вики и маму Нади (та воспитывала дочку одна) пока не стоит – если ничего не известно, то зачем заранее тревожить людей. Марине пришлось рассказывать о том, как прошел отдых, старательно скрывая правду, потому что она знала, другого выхода у нее нет.

Наконец девушка удалилась в свою комнату и долго рассматривала альбомы с фотографиями, на которых были запечатлены Вика и Надя, ее лучшие подруги, которых уже нет в живых...

Последующие дни были самыми ужасными – стало известно о том, что Вика и Надя погибли. Зиминых навестили родители Вики – потрясенный отец, поседевшая от горя мать. Марина, удивляясь своему хладнокровию, твердила то, что ей было приказано: поссорилась с подругами в тот день, осталась дома, а они отправились одни на прогулку. Прибежала и мама Нади, которую Марине было жаль больше всего – у Вики имелись еще старшая сестра и младший брат, а вот у Людмилы Григорьевны Егорченко Надя была единственным поздним ребенком.

– Марина, ты что-то от меня скрываешь! – вдруг заявила

несчастливая женщина, вытирает слезы. – Я вижу, ты говоришь не всю правду! Скажи мне, что случилось с Надюшенькой? Я пыталась дозвониться до соседки Ирины, той самой подружки моей сестры, у которой вы остановились, но у них постоянно занято!

– Уверю вас, тетя Люда, я сказала все, что знала, – пролепетала Марина и заплакала.

За дочку вступились родители, отославшие ее с кухни, где проходил непростой разговор.

* * *

Надю и Вику хоронили в один день, только Надю с утра, а Вику ближе к вечеру. Марина пересилила себя и побывала и на тех, и на других похоронах. Зрелище было ужасное – плачущие родственники, шокированные друзья, море цветов. Мама Нади, увидев Марину, бросилась к ней и принялась выкрикивать что-то несвязное. Женщину увели прочь, а кто-то из знакомых сказал:

– Не обращай на нее внимания, она не в себе последние дни. Еще бы, такой удар...

Оба гроба были закрыты и запаяны – вскрывать их запретили. Но похоронах Вики все напилось, и Марина ушла из кафе, в котором проходили поминки. Долго гуляла по улицам, думая только о том, что подружки мертвы, а она жива. Ей повезло, а вот Вики и Нади больше нет...

Согласно официальной версии, девушки стали жертвами разбойного нападения. По мнению Марины, это лишний раз доказывало, что прокуратура намеренно сфабриковала ложную версию. Но в нее все поверили – все, кроме мамы Нади. Людмила Григорьевна через день после похорон дочери отправилась в Сочи, чтобы узнать правду, как она сказала.

Марина не знала, чем занять себя в августе, – до начала учебы оставалось еще несколько недель. В предыдущие годы в летние каникулы она вместе с Викой и Надей ходила на Волгу или в парк, подружки болтали, устраивали девичник и вообще весело проводили время. Но все это было в прошлом. В прошлом, как и сами Надя и Вика...

А спустя примерно неделю пришло трагическое известие о том, что Людмила Григорьевна Егорченко покончила с собой в Сочи, на том самом месте, где, как ей сказали, бандиты напали на ее девочку. Маму Нади нашли под скалой – никто не сомневался в том, что женщина прыгнула вниз, не в состоянии справиться со смертью дочери.

Настал долгожданный сентябрь, и начались занятия в университете. Конечно, и там уже все знали о случившемся, но вопросами Марину не терзали. Да и времени на это не было: все же пятый курс, на носу диплом и государственные экзамены, а потом вступление во взрослую жизнь. Марина с головой погрузилась в учебу, а вскоре ее научный руководитель, профессор, заведующая кафедрой, сказала:

– Марина, тебе пора подумать о будущем. Я имею в виду

аспирантуру...

Родители были несказанно рады, узнав, что дочка после получения диплома намеревается работать над диссертацией. Мама ее расцеловала, а отец воскликнул:

– Я с самого начала знал, что ты карьеру сделаешь! И профессором станешь, и доктором наук!

А ведь Надя тоже мечтала об аспирантуре, грустно подумала Марина. Вика же нет, та хотела побыстрее закончить универ и выйти замуж, а по возможности переехать в Москву или Ленинград. Да, у каждой были свои планы. Однако в том и заключается ирония и трагедия судьбы: планам одних суждено сбыться, планы же других никогда не будут воплощены...

* * *

Как-то, уже в новом, 1987 году, в начале февраля, незадолго до госэкзаменов, Марина увидела в программе «Время» репортаж – важные государственные мужи то ли встречали генсека Горбачева из-за границы, то ли провожали его. Диктор Кириллов своим раскатистым голосом перечислял всех тех, кто был в аэропорту Внуково.

– Дмитрий Евсеевич Гелло... – донеслось до Марины.

Девушка вздрогнула – воспоминания нахлынули на нее с прежней силой. Камеры на мгновение показали холерное, несколько обрюзгшее лицо мужчины лет пятидесяти с

небольшим. Тот самый Гелло! Наверняка он приложил все усилия для того, чтобы замять скандал, в центре которого оказался его сын.

Марина выбежала из зала и закрылась в своей комнате. Она думала, что со временем сможет справиться со своими чувствами, сможет держать воспоминания под контролем, но, выходит, ошибалась...

Лицо Дмитрия Евсеевича Гелло долго потом преследовало ее во сне.

Экзамены Марина сдала на «отлично», диплом защитила тоже на «пять», и экзаменационная комиссия дала ей рекомендацию к поступлению в аспирантуру. Все последующее лето девушка усиленно готовилась к вступительным экзаменам (труднее всего ей давалась философия) и даже не заметила, как миновала первая годовщина с момента смерти Вики и Нади. Хотя, может, и к лучшему...

Выбрав время, Марина сходила на кладбище, где навестила две могилки, – впрочем, к тому времени около Надиного холмика появился еще один – здесь похоронили ее маму. Марина принесла цветы, убрала мусор, постояла некоторое время, всматриваясь в фотографию улыбающейся Нади.

– Мне очень жаль... мне очень-очень жаль... – бормотала Марина, глотая слезы.

Как бы Надя поступила на ее месте? А что бы сделала Вика? Ах, какая теперь разница, ведь две ее лучшие подруги мертвы! Но она ощущала себя виноватой в том, что случи-

лось. Нет, не в смерти, а в распространении лжи. И в том, что виновники остались безнаказанными.

* * *

События следующих месяцев закружили Марину, и у нее, к большому облегчению девушки, практически не оставалось времени для того, чтобы вспомнить о трагической судьбе Вики и Нади. Вступительные экзамены в начале осени Марина сдала (все на «отлично») и начала работать ассистентом на кафедре, которой заведовала профессор, ее научный руководитель.

С Михаилом Марина познакомилась в областной библиотеке. Девушка несла стопку книг, оступилась, едва не упала – и все книги полетели на пол. Она принялась их собирать, и на помощь подоспел симпатичный молодой человек, который после спросил, может ли он пригласить ее в кафе-мороженое. Марина не отказалась, и с этого началась ее дружба с Мишей, которая скоро переросла в любовь.

Михаил Чеботарев был старше Марины всего на два с половиной года, работал корреспондентом на местном телевидении и в течение всего нескольких недель стал для Марины самым важным человеком на свете. Высокий, с короткими каштановыми волосами, зелеными глазами и удивительно обаятельной улыбкой, он обладал и прекрасным характером. К тому же молодому репортеру прочили отличное бу-

дущее.

Марина познакомилась и с родителями Михаила. Мама его тоже работала на областном телевидении, диктором (оказывается, девушка уже много раз видела ее на телеэкране, но тогда и подумать не могла, что эта милая дама – матушка ее будущего жениха), она была в разводе с супругом, известным в городе хирургом, однако сохраняла с ним отличные отношения. Семья Михаила радушно приняла Марину, а ее родители, в свою очередь, нарадоваться не могли на выбор дочери.

Марина очень быстро поняла, что влюблена, причем так сильно, как еще никогда. В школе у нее был приятель, да в университете не обошлось без амурных приключений, однако все это не шло ни в какое сравнение с тем чувством, которое она испытывала к Мише.

И он отвечал ей взаимностью. С ним было так легко, с ним было так хорошо – и так спокойно! Уже через полтора месяца после знакомства молодые люди решили пожениться.

Практичная матушка Миши сделала так, чтобы у жениха с невестой сразу появилась кооперативная двухкомнатная квартира – небольшая, но зато своя собственная.

– Мой подарок к свадьбе! – заявила она. – Только пообещайте, что не сделаете меня бабушкой в ближайшие десять лет. Я слишком молода и полна энергии для того, чтобы нянчить внуков!

Так как свадьба обещала стать грандиозной и на подготовку требовалось время, было решено сыграть ее летом 1988 года. Тем временем Михаил и Марина принялись обустроить свое семейное гнездышко.

Как-то в середине мая (до свадьбы оставалось чуть больше месяца) Марине снова привиделся ужасный сон: Дмитрий Евсеевич Гелло, а вместе с ним его сынок Кирилл, а также лежащая на полу Вика и Надя, падающая во тьму...

Марина проснулась в поту и с криком на губах. Миша, тоже проснувшийся, прижал к себе любимую и, глядя ее по волосам, зашептал:

– Успокойся, родная, это был всего лишь сон...

Когда Марина пришла в себя и перестала дрожать, Михаил, принесший ей кружку теплого молока, спросил:

– А тебя что, ведьмы во сне терзали?

– С чего ты взял? – удивилась Марина.

– Ты все бормотала: «Гелла, Гелла...» А так, кажется, зовут ведьму-вампиришу в «Мастере и Маргарите». Хм, не стоило мне дарить тебе эту книгу, ты уж очень впечатлительная.

«Мастера и Маргариту», только недавно разрешенную к печати, Михаил через свою матушку достал из-под полы и подарил Марине месяца три назад.

Кружка в руках Марины дрогнула, молоко пролилось на

простыню. Внезапно девушка ощутила желание рассказать хотя бы кому-то все, что с ней случилось.

– Нет, я видела во сне не вампиршу Геллу, высосавшую кровь из Варенухи и напугавшую до смерти финдиректора Римского, а Дмитрия Евсеевича Гелло...

Михаил хохотнул:

– Мариш, а Горбачев тебе не снится? Или покойный генсек Черненко вкупе с Генералиссимусом Сталиным? И чего ты в этом Гелло нашла? Обычный партократ и чинуша, без воображения и харизмы.

Но Марине было не до смеха. Дрожа, она пролепетала:

– Миша, я должна тебе что-то рассказать. То, о чем никому еще не рассказывала... чего никто не знает... Вернее, знает всего несколько человек, виновников этого кошмара... Я...

И она зарыдала. Опешивший Михаил обнял ее и заговорил ласково:

– Мариша, что случилось? Тебя кто-то обидел? Да я тому мерзавцу голову оторву, как кот Бегемот оторвал ее конфетансье Жоржу Бенгальскому!

Марина сквозь слезы улыбнулась и попросила:

– Только пообещай, что ты меня не бросишь. Понимаешь, получилось так, что я предала своих лучших подруг... Но... У меня нет иного выхода... Или я тогда считала, что у меня нет другого выхода... Хотя он, конечно же, был...

– Глупышка, ну что ты такое говоришь? – поцеловал невесту Михаил. – Я люблю тебя больше всего на свете, и ты мо-

жешь мне доверять!

Вытерев слезы и глубоко вздохнув, Марина начала рассказывать. Странное дело, но, по мере того как она излагала правду о событиях, имевших место почти два года назад, боль и отчаяние уходили из ее сердца.

Михаил не проронил ни слова за все время монолога Марины. Девушка наконец решилась взглянуть на него и спросила:

– Ты меня презираешь?

Молодой человек прижал к себе Марину и тихо произнес:

– Я тебя люблю еще больше, Мариша! Если бы я знал, через что тебе пришлось пройти... Сволочь Гелло! И младший, и старший. Думают, что если находятся наверху власти, то могут творить все, что захотят. Но они жестоко ошибаются! Возможно, лет пять назад так и было, но ведь времена меняются – у нас сейчас перестройка, гласность и торжество социалистической законности!

– Что ты имеешь в виду, Миша?

– А то, что ты жертва во всей этой грязной истории, – мрачно ответил Чеботарев. – Кроме того, погибло не два, а три человека – Вика, Надя и мама Нади. Подозреваю, что если в двух первых случаях имело место убийство по неосторожности, то в случае с матерью Надежды – самое что ни на есть настоящее убийство. Ее убрали за то, что она совала нос не в свое дело, за то, что задавала неудобные вопросы и не соглашалась с официальной версией.

Марина беспомощно охнула:

– Мишенька, мне не следовало втягивать тебя...

– Конечно же, следовало! – заявил молодой человек бодро. – Такой шанс за журналистскую карьеру выпадает только один раз, и я обязательно сделаю так, чтобы та сочинская история стала достоянием гласности. Я приложу все усилия, чтобы семейство Гелло понесло наказание, а помимо них, двое дружков Кирилла, а также все, кто помогли им замять гибель твоих подруг.

Кумирами Михаила были молодые журналисты из программы «Взгляд», и он жаждал большого, сенсационного расследования. Марина не знала, поступила ли она правильно или совершила ошибку. Ведь Дмитрий Евсеевич Гелло был очень серьезным противником...

– Наоборот, он слишком высоко стоит, чтобы быть для нас опасным, – уверил ее Михаил. – Гелло прикрывает своего сыночка-балбеса, и еще несколько лет назад, при Брежнев или Черненко, ему бы все сошло с рук. Но сейчас на дворе новая эпоха! В общем, не волнуйся, Мариша, об этом деле вскоре будут говорить по всему Союзу.

* * *

Первым делом Михаил организовал запись признания Марины на видео – ее рассказ длился почти два часа. Девушка согласилась, потому что любила Михаила и полностью до-

веряла ему.

– Эту пленку никто пока не увидит, – заверил молодой журналист. – А когда понадобится, материал пойдет в эфир. Но сначала надо собрать доказательства. Одно дело – голословно обвинять уважаемого партийного чинушу в том, что он спасает своего сына-наркомана от обвинения в убийстве, и совсем другое – презентовать публике и прокуратуре неоспоримые доказательства вины Кирилла Гелло и двух его приятелей.

– Но какие можно найти доказательства спустя без малого два года? – удивилась Марина. – Все следы давно уничтожены, а дачу под Сочи привели в порядок еще в ту страшную ночь...

– Не забывай о главном! – Чеботарев сделал многозначительную паузу. – Я имею в виду тела твоих подруг и Людмилы Григорьевны Егорченко. Независимая судебно-медицинская экспертиза даже спустя два года установит, что они умерли вовсе не так, как записано в документах. Но чтобы добиться эксгумации, опять же надо предъявить доказательства.

– А можно ли как-нибудь обойтись без... без эксгумации? – спросила испуганно Марина.

– Увы, другого пути нет. И, поверь мне, оно только и к лучшему. Ты же не хочешь, чтобы Гелло вышел сухим из воды? Я навел справки – Кирилл закончил в прошлом году университет, и папаша тотчас пристроил его на теплое и

хлебное местечко в министерстве.

Марина немного успокоилась. Да, когда Кирилл, Максим и Артем окажутся в руках прокуратуры (в конце концов, там далеко не все люди продажные и зависимые от Дмитрия Евсеевича), а затем предстанут и перед судом, она сможет забыть о прошлом. Или, во всяком случае, попробовать забыть...

– Но тогда ведь получается, что я стала соучастницей убийц, – призналась Марина жениху. – Я же два года молчала, скрывала истину, позволяла преступникам находиться на свободе...

– Тебе не о чем беспокоиться, – заверил ее Чеботарев. – Ты – жертва во всей этой истории. И вообще, как только я подумаю, что они могли убить и тебя, у меня кровь в жилах вскипает! Наоборот, ты станешь героиней – тебя же запугали прокурорские работники в Сочи и в Горьком, тебе грозили разнообразными карами и большими тюремными сроками за преступления, которых ты не совершала. Да, это дело станет советским «Уотергейтом»!

* * *

Михаил с головой погрузился в расследование, а Марина, чувствуя себя намного лучше, работала над диссертацией и одновременно предвкушала радостное событие – свадьбу. Подвенечное платье было уже заказано (в лучшем са-

лоне города), а родители Михаила работали над тем, чтобы торжество стало незабываемым и грандиозным. Сам жених то и дело ездил в Москву, ссылаясь на то, что напал на «золотую жилу» и готовит сенсационный материал. Только Марина знала, что он собирает доказательства и ведет переговоры с ведущими «Взгляда».

Наконец, ровно за неделю до свадьбы, Миша, вернувшись из очередной поездки (он сказал, будто едет в Москву, но только Марина была в курсе, что он побывал в Сочи), радостно объявил:

– Все, дверца мышеловки захлопнулась! Пришлось изрядно потрудиться, но игра стоила свеч. Итак, хочешь послушать, что мне удалось раскопать?

Они находились одни в своей квартире, и Мише, как видела Марина, не терпелось поведать о своих успехах. Будущий муж разложил на столе бумаги, фотографии и графики и начал рассказ:

– Вот показания двух официантов и гардеробщика, работавших в ресторане «Барракуда» 23 июля 1986 года, то есть в тот день, когда якобы ты вместе с подругами устроила там дебош. Как мне удалось установить, в тот день там пиروвала компания сынов Кавказа, эксцессы были, но совсем другого рода. Вас же там и в помине не было! А вот показания бывшего работника КПП в дачном массиве – он отлично помнит, как Кирилл Гелло в тот вечер привез трех девушек. А несколько часов спустя «Мерседес», подаренный

старшим Гелло сыну, не меньше пяти раз покидал дачу – молодые люди наверняка заметали следы и вывозили тела. Далее – фотокопия заграничного паспорта Анжелы Дмитриевны Гелло, дочери Дмитрия Евсеевича и в данный момент доцента Института международных отношений. В период с 16 по 28 июля 1986 года она находилась вместе с родителями в Карловых Варах, поэтому никак не могла в ночь с 23-го на 24-е быть в Сочи и являться свидетельницей того, что ее брат не совершал никакого преступления. Заполучить данный документ было непросто, но он очень важен.

Марина с гордостью взглянула на Михаила. Жених подмигнул ей.

– Я же говорил, Мариша, что победа будет за нами! Еще у нас имеются показания двух граждан – жительницы города Сочи и жителя города Новосибирска, которые видели, как 30 августа около пляжа, где позднее было обнаружено тело Людмилы Георгиевны Егорченко, остановилась черная «Волга», из которой вынесли нечто большое, завернутое в простыню. Эти свидетели – местная путана и ее клиент, поэтому понятно, что они не захотели огласки, однако сочли нужным сообщить об увиденном милиции. Но та, конечно же, ничего не предприняла. Однако дежурный, не посвященный в перипетии высокой политики, не уничтожил протокол, в котором, кроме всего прочего, говорится, что мужчина и женщина видели, как сверток швырнули со скалы. И дама легкого поведения даже запомнила номер автомобиля

– оказывается, данное транспортное средство закреплено за городской прокуратурой!

Михаил рассказывал и рассказывал, а Марина чувствовала, что любит его до безумия. Она знала, что любимый начал расследование вовсе не для того, чтобы отличиться или сделать карьеру, а ради одного человека – ее самой!

– Да, согласен, это косвенные улики, однако послушай, что поведала женщина, два года назад работавшая горничной в том самом дачном поселке, – заметил Михаил. – Ее в начале 1987 года, обвинив в мелкой краже, уволили, хотя дама до сих пор твердит, что от нее избавились только потому, что она видела, как один высокопоставленный городской чиновник развлекался в бассейне с проститутками. Тоже занимательная тема для разоблачительного репортажа, однако сейчас не это важно. Сия особа, понятное дело, затаила злобу на своих бывших хозяев и на тех, на кого ей приходилось гнуть спину. Ей известны многие интимные детали, и за плату она готова их разгласить. Интереснее всего, что она вместе с другими женщинами делала уборку и на даче Дмитрия Евсеевича Гелло. В том числе и 24 июля 1986 года. Представляешь, у нее хранятся записные книжки и календари за последние годы, где отмечены все ее рабочие дни и смены, так что она могла без труда сказать, у кого и когда убиралась. Но она и так запомнила тот день, потому что обнаружила в особняке, во-первых, дикий беспорядок. Хотя к подобному ей не привыкать, поскольку «слуги народа», а в особенности

их избалованные великовозрастные отпрыски, не приучены к аккуратности. Во-вторых, женщина столкнулась со спешно покидающими особняк Кириллом Гелло, а также Максимом Зотовым и Артемом Белоцерковским – молодых людей она знает в лицо. А Ангелы с ними не было. Собственно, как нам известно, и быть не могло – сестрица Кирилла вместе с родителями находилась в Карловых Варах. В-третьих, дама, отличающаяся изрядным любопытством и отличной зрительной памятью, заметила, что из кабинета исчез ковер. Зато дорогой туркменский ковер ручной работы был обнаружен двумя жительницами Сочи недалеко от того пляжа, где ты пришла в себя. Мне удалось поговорить с этими женщинами, и они показали ковер – несмотря на то что они его тщательно вычистили, на обратной стороне сохранились пятна крови! В-четвертых, пятна крови, замазанные и затертые, уборщица нашла и на террасе, и на перилах, а также в прихожей и на ступеньках лестницы. Наверняка в ковер завернули тело Нади, а затем протащили через гостиную к выходу, при этом запачкав пол кровью. В-пятых...

Миша извлек из кармана небольшую коробочку и поставил ее на стол. Марина раскрыла ее и увидела кольцо.

– Ну, Мариш, ты его не узнаешь?

Девушка взяла кольцо – золотое, с небольшим квадратным красным камешком. Ну конечно, как же она могла забыть!

– Это же Викино! – воскликнула она. – Подарок родите-

лей на ее последний день рождения...

– Верно, – качнул головой Чеботарев. – На внутренней стороне кольца даже имеется гравировка: «Вике от папы и мамы ко дню рождения. 18 мая 1986 года».

– Да, да! – выпалила Марина. – Я хорошо помню! Она так радовалась колечку, хвасталась, что золотое с гранатом!

– Уборщица нашла его под диваном в гостиной. Наверное, закатилось туда, когда молодые люди пытались избавиться от трупов. И доблестная уборщица прихватила его с собой, так как, прочитав надпись, поняла – хозяевам оно не принадлежит, да и слишком дешевое для таких важных птиц. Тем более удивительное совпадение: у уборщицы имеется дочь, которую тоже зовут Викой. Ей она и подарила кольцо.

Марина поежилась и спросила:

– Ты думаешь, теперь улики хватит, чтобы... чтобы потребовать эксгумации тел Нади, Вики и Людмилы Григорьевны?

– Ну, этого я сказать не могу, – покачал головой Миша. – В прокуратуре тотчас позвонят наверх и проинформируют Гелло о том, что кто-то копает под него, и всемогущий Дмитрий Евсеевич прикажет уничтожить переданные мной улики. Поэтому, как говаривал Владимир Ильич Ленин, мы пойдем другим путем. Сначала надо создать скандал и шум в прессе, то есть обнародовать всю историю, а потом, когда у прокуратуры уже не будет возможности спустить дело на тормозах, передать улики независимым экспертам. Думаю, после выхода в эфир моей телепередачи генсек отдаст прика-

зание создать особую следственную группу, на которую Гелло, при всех его связях, не будет иметь влияния. А значит, правда в конце концов станет явной и виновные будут наказаны!

Михаил привлек к себе Марину, а девушка поцеловала его, шепнув:

– Как же я рада... рада тому, что все это скоро закончится.

Чеботарев подхватил Марину на руки, закружил по комнате:

– А я рад в первую очередь тому, что мы через неделю станем мужем и женой! Так что предлагаю сейчас немного потренироваться в исполнении супружеских обязанностей...

Он отнес хохочущую Марину в спальню, и в течение часа для молодых людей не существовало ничего и никого, кроме них самих.

* * *

Вечером следующего дня Михаил сказал невесте:

– Мне надо смотаться в Москву. Всего на несколько часов! Отдам материалы, которые собрал, надежному человеку. Тот уже в курсе всего и заверил меня, что передача станет «бомбой». Она пойдет в эфир через примерно две недели, но сейчас очень важно соблюдать полную конспирацию. Поэтому я и везу материалы лично.

Марина простилась с Мишей с легким сердцем – он улетал

рано утром, а вернется вечером. Придется провести целый день без будущего мужа... Но ведь впереди у них вся жизнь!

– Позвоню из аэропорта, когда приземлюсь в Горьком, – сказал он. – Меня встретят, так что не волнуйся. До скорого, родная!

И он ушел. Марина не имела в тот момент представления, что видит Мишу в последний раз – во всяком случае, в последний раз живым. Размышляя впоследствии о том, что произошло, Марина пришла к выводу: ничто не указывало на грядущее несчастье. Не было никаких знаков, знамений и примет...

* * *

Весь день Марина провела в хлопотах. Сначала, с утра, три часа она возилась с рукописью диссертации, дописывая последнюю главу. Затем отправилась на рынок, чтобы купить продукты для ужина, для торжественной встречи победителя. Около двух дня раздался телефонный звонок.

– Я в Москве, все в порядке, – доложил Миша. – Через десять минут передаю материалы.

И это были последние слова, которые он адресовал своей невесте. Марина приготовила изысканный ужин, наготове были две бутылки белого вина, а также десерт. Стол был декорирован, как на картинке в журнале «Бурда Моден»: пришлось потрудиться, чтобы раздобыть разноцветные витые

свечи!

Позвонив в справочную службу аэропорта, Марина узнала, что самолет из Москвы вылетел с легким опозданием. Ну ничего, в пути нагонит! С книгой в руках она опустила на тахту и принялась ждать. Затем, подскочив, подошла к зеркалу, осмотрела себя и осталась собой довольна. Мише понравится...

Раздался телефонный звонок, и, взглянув на часы, девушка поняла – самолет приземлился, Михаил, как и обещал, звонит из аэропорта. Значит, самое позднее через сорок минут жених будет дома. Хотя вообще-то она была уверена, что вот-вот услышит, как в замке поворачивается ключ, дверь открывается и в коридор входит Миша...

– Здрасьте, это говорит Роман, – услышала Марина в трубке прокуренный мужской голос. – Скажите-ка, Михаил Викторович каким рейсом собирался прилететь?

Так выяснилось, что Михаила на борту самолета не оказалось. Она позвонила в аэропорт, но там ей сказали, что справочка о пассажирах не дают, к тому же время позднее и нужно звонить на следующий день прямиком в Москву, узнавать все там.

Что ж, если Миша и не вылетел обратно тем рейсом, которым добирался, значит, его задержали дела, подумала девушка. Ведь выпуск в эфир программы с таким взрывоопасным содержанием всегда трудно пробить! Возможно, «взглядовцы» захотели получить дополнительные разъясне-

ния. Марина, забравшись с ногами на тахту, положила голову на подлокотник и прикрыла глаза. Вот проснется – и увидит Мишу. Он скоро вернется, конечно же, вернется к ней. Наверное, сегодня есть еще один самолет, попозже...

Звонок разбудил ее, и Марина, чувствуя, что спина затекла, а левая нога онемела, бросилась к телефону, стоявшему на комод. Споткнулась и растянулась на полу во весь рост. Часы показывали без десяти два ночи.

– Алло, Миша! – задыхаясь, произнесла девушка, схватив трубку. – Где ты? Когда мне тебя ждать?

– Марина, ты дома? – услышала она странный, безжизненный голос Виктора Михайловича, отца Миши. Что он спрашивает, где она может быть еще в такой поздний час? – Мне надо с тобой поговорить. Немедленно. Я сейчас приеду к тебе.

Только тогда Марина впервые заподозрила – произошло что-то неладное. Виктор Михайлович, известный в городе хирург, главный врач одной из больниц, прибыл в половине третьего. Он выглядел необычно – мятый костюм, галстук, съехавший набекрень, взъерошенные седые волосы. Виктор Михайлович всегда одевался элегантно и внимательно следил за своей внешностью – положение обязывало.

Мишин отец, не разуваясь, прошел в гостиную, окинул взором торжественно накрытый стол и бросил глухо:

– Ты ведь ни о чем еще не знаешь?

– О чем, Виктор Михайлович? – спросила девушка, чув-

ствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Тот взял открытую бутылку вина, налил полный бокал и в один присест осушил его. Марина изумилась – доктор Чеботарев пил чрезвычайно мало, да и то по большим праздникам. Вытерев рукавом губы, он снова наполнил бокал, поднес его к губам, и только тогда Марина заметила, что руки хирурга мелко-мелко дрожат.

Девушка вырвала у него бокал, расплескав содержимое, и крикнула:

– Да в чем дело, Виктор Михайлович?

Снова зазвенел телефон, но хирург, опередив Марину и буквально оттолкнув ее от аппарата, схватил трубку.

– Да! – рявкнул он. – Ах, это ты! Нет, не надо, я сам все скажу! Ты занимайся... Да, да, да! Уже договорился, лечу первым же рейсом! Все, Лиля. И не реви, думаешь, тебе одной плохо?

Лилия – это Лилия Сергеевна, мама Михаила и бывшая жена Виктора Михайловича. Марина удивилась: экс-супруги никогда не разговаривали друг с другом в таком тоне.

– Сядь! – приказал Чеботарев и пододвинул Марине стул. – Живее, у меня нет времени на китайские церемонии!

Марина подчинилась, а Виктор Михайлович, пройдясь по комнате туда-сюда, вдруг заметил большую цветную фотографию Михаила, стоявшую на «стенке». Взял ее в руки, и вдруг в голосе мужчины прорвались нотки отчаяния:

– Вот и нет нашего Мишеньки... Вот его и не стало...

И хирург заплакал. Марина бросилась к нему, но Чеботарев, небывалым усилием воли взяв себя в руки, остановил девушку:

– Отойди! Не надо утешения! И слез не надо!

– Виктор Михайлович, что вы имеете в виду? О чем вы говорите? – залепетала Марина, а тот вдруг неожиданно злобно прошипел:

– Неужели сложно понять, Марина? С Мишей произошел в Москве несчастный случай. Его машина сбила! Насмерть! Вчера днем в начале третьего...

Марина ошеломленно уставилась на Чеботарева. Что такое он говорит? Нет, это все галлюцинация! Она ведь говорила с Мишей по телефону...

– Вот, собственно, и все, что я хотел тебе сказать, – произнес устало хирург. – Извини, если обидел. Сама понимаешь, я сейчас на взводе.

– Но... но я говорила с ним около двух... – выдавила из себя Марина, поражаясь тому, каким незнакомым стал собственный голос. – Миша сказал, что все в порядке, он встречается с...

– Значит, тебе сказочно повезло, – оборвал ее Виктор Михайлович, – ты последняя с Мишей разговаривала.

– Нет-нет, тут какая-то ошибка... – пробормотала Марина.

Хирург Чеботарев смел со стола посуду и завопил:

– Ты что, думаешь, я приперся бы к тебе сообщить, что мой единственный сын умер, если бы точно не знал, что все

именно так? Меня и в Москве хорошо знают, поэтому когда Миша оказался... в морге, сразу же позвонили мне. Сразу же! Да, это он, никаких сомнений! Ты понимаешь, черт побери?

– Не кричи на девушку! – раздался властный голос, и Марина, обернувшись, увидела Лилию Сергеевну – как всегда, подтянутую, собранную. Мать Миши жила в соседнем доме, поэтому и смогла прийти так быстро. А входную дверь Марина наверняка забыла запереть после того, как в квартиру ворвался Виктор Михайлович.

Лилия Сергеевна подошла к Марине, обняла ее и ласково, но настойчиво сказала:

– Мариша, Виктор Михайлович немного не в себе. Теперь ты понимаешь, почему я с ним развелась...

– Нашла о чем говорить – о нашем чертовом разводе! Когда моего сына... моего сына сейчас... сейчас патологоанатом вскрывает! – заорал Чеботарев.

Марина почувствовала, что в ушах зазвенело, – и потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то увидела, что лежит на тахте. Кто-то массировал ей запястья, а затем поднес к губам бокал.

– Пока вода, но сейчас я приготовлю сладкий чай, – донесся до ее сознания голос Лилии Сергеевны. – Виктору я приказала уйти, все равно от него никакого толку. Странно, в хирургической он царь и бог, сохраняет присутствие духа в любой, даже самой критической, ситуации, а в обычной жизни – чуть что, так сразу истерики, крики, алкоголь...

– Алкоголь... – прошептала Марина, а Лилия Сергеевна вздохнула:

– Ну да, это наша семейная тайна. Все считают, что Витя не пьет, и действительно не пьет, по крайней мере последние пятнадцать лет. Но когда-то он очень сильно выпивал... Едва карьеру свою не разрушил. Пятнадцать лет почти в рот спиртного не брал, а теперь сорвался. Впрочем, теперь и неважно. Да, сейчас уже ничто не важно...

Лилия Сергеевна встала с тахты, чтобы пойти на кухню, но Марина схватила ее за руку.

– Прошу вас, скажите, что с Мишей! – простонала она. – То, что Виктор Михайлович сказал, неправда, да? Он не мог погибнуть! Он в больнице, ведь так?

Лилия Сергеевна кивнула:

– Да, мой сын в больнице. Вернее, в Институте имени Склифосовского. В морге, Мариша...

Марина шмыгнула носом – странно, но слез не было. Видимо, шок был слишком силен.

– Но как же так... Я не верю... Этого не может быть... Мы ведь в субботу женимся...

Лилия Сергеевна печально произнесла:

– Я тоже не могу поверить. И мне все кажется... кажется, что Миша жив и звонок из Москвы – ужасная ошибка... Но, увы, сомнений быть не может. Мой сынок и твой жених... мертв...

Последующие часы тянулись ужасно долго – Марина просто не знала, что делать, говорить и думать. Лилия Сергеевна, сославшись на то, что ей надо подготовиться к поездке и договориться об авиабилете для Марины, ушла. Девушка осталась одна. Тишина обступила ее.

И вот они оказались в морге НИИ скорой помощи имени Склифосовского. Марина дрожала – но не столько от холодного воздуха, сколько от холода, сковывавшего ее изнутри. Уже на протяжении нескольких часов она мысленно твердила – произошло недоразумение, Миша жив, и тот, чье тело им сейчас покажут, окажется незнакомым человеком, который... который, скажем, украл у Михаила документы. Да, конечно, такое может случиться! Жулик стащил у Миши бумажник, где лежал паспорт, а затем попал под автомобиль. Причем Марина так уверовала в свою версию, что даже не сомневалась – именно так и было! А Миша скоро объявится. Выяснится, что он заболел, попал в больницу, потерял память или... Или пускай даже откроется, что он всю ночь провел у любовницы! Она согласна на любую версию, лишь бы знать – ее будущий муж все еще жив!

Но внутренний голос подсказывал – нет, никакой ошибки нет. Профессор подвел Лилию Сергеевну и Виктора Михайловича к одному из тел, откинул с лица простыню.

– Да, это он, – скорбно произнесла Лилия Сергеевна. – Скажите, он не мучился?

Марина тупо смотрела на очертания накрытого тела. Неужели это Миша? Нет, полностью исключено! Это не он, не он, не он!

Медленно, как сомнамбула, девушка подошла ближе – и увидела Мишу. На столе лежал ее родной, любимый, обожаемый Михаил, и в то же время он был каким-то чужим, неестественным, изменившимся. Марина заметила несколько ран на лице молодого человека и, вскрикнув, бросилась прочь. В коридоре, прислонившись к кафельной стенке, она сползла вниз, на пол, и заплакала. Почувствовала, как кто-то положил ей руку на плечо, и услышала тихий голос Лилии Сергеевны:

– Да, Мариша, я тоже все надеялась, что произошла ошибка, что погиб не мой сын. Всякое же бывает. Я ждала чуда, просила о нем Господа, предлагала себя в жертву, но... но мои мольбы ничего не изменили.

– Лиля, отстань ты со своим богом! – раздался рядом визгливый голос Виктора Михайловича. – Нет никакого бога, это все выдумки! Если бы он был, то не позволил бы Мишеньке умереть! За что, почему, с какой целью?

Профессор приятным баритоном принялся рассказывать им о том, что имел место несчастный случай, что Михаила сбил автомобиль недалеко от станции метро «ВДНХ», что водитель скрылся с места преступления, но его ищут...

Похороны состоялись в ту субботу, на которую была назначена свадьба. В ночь перед траурной церемонией Марина методично искромсала ножницами подвенечное платье. Она пребывала как будто в трансе, а чувства были словно заморожены. И боль, небывалая, пульсирующая, с каждым мгновением возрастающая боль, терзала ее. Все в квартире напоминало о Мише, каждый предмет: вот его домашние тапочки, его бритва, его одеколон, его носки, лежавшие в баке для белья...

На похоронах было огромное количество людей – весть о страшном несчастье, свалившемся на семейство Чеботаревых, да еще накануне свадьбы Михаила и Марины, облетела весь город в мгновение ока. Родители как могли успокаивали дочку, и Марина заверила их, что справится с горем, хотя знала, что это не так.

Мишу отпевали в церкви – так пожелала Лилия Сергеевна. Виктор Михайлович все те дни был в стельку пьян и еле держался на ногах. В церкви от духоты и спертго воздуха Марине стало плохо, и она вышла прочь. Светило яркое летнее солнышко, припекало, люди радовались жизни, мимо проходили парочки, державшиеся за руки. Ведь она должна была венчаться в той же церкви, в то же время – а вместо этого Мишу отпевают...

Затем в одном из лучших ресторанов города, которым заведовал старинный приятель семейства Чеботаревых, состоялись поминки, превратившиеся в затяжную, беспощадную попойку. Марина, не в состоянии выслушивать излишние незнакомых людей, смех и пустые разговоры за столами, обсуждение казавшихся ей неимоверно глупыми повседневных проблем, просто ушла из ресторана и пешком отправилась домой. Но оставаться в квартире она долго не могла, поэтому отправилась гулять по набережной, оттягивая тот момент, когда все же придется вернуться в пустую квартиру. В квартиру, где ее никто не ждал, в квартиру, где сегодня должна была пройти их с Мишей первая брачная ночь...

К ней пытались «клеиться» молодые (и не очень) мужчины в подпитии, поэтому Марине пришлось-таки вернуться обратно. Позвонили родители, предложили переехать на время к ним, но девушка отказалась. Она хотела побыть одна, хотя в то же время страшилась одиночества больше всего. Но ей никто не мог помочь. Никто и ничто...

Уже несколько ночей подряд Марина не выключала лампу, боясь остаться в темноте. Она знала, что должна бороться со своими страхами, но ничего не могла с собой поделать. В мозгу пульсировал вопрос без ответа – как же так, как же так, как же так... Хуже всего была неизвестность. Водителя, сбившего Мишу, до сих пор не нашли.

В воскресенье раздался телефонный звонок. Звонили из Москвы, с Центрального телевидения, из программы

«Взгляд», – хотели узнать, когда же Михаил предоставит обещанные материалы.

– Но ведь Миша был у вас, – произнесла Марина. Конечно, так и произошло, всего за считанные минуты до гибели...

– Нет, вы ошибаетесь, – ответил женский голос. – Михаил должен был посетить нас в среду, но не явился. Что-нибудь случилось?

– Да, он умер, – ответила Марина и повесила трубку.

Телефон сразу же зазвонил снова, но девушка не подходила к аппарату, а затем и вовсе выдернула шнур из розетки. Как же так... Миша отправился в Москву для того, чтобы передать все имевшиеся у него материалы телевизионщикам. На месте происшествия при нем никаких вещей не нашли, а ведь он уезжал в столицу с увесистым «дипломатом» из искусственной кожи, где находились бумаги, кассеты с рассказом Марины и прочие улики. Никакого «дипломата» на том месте, где Мишу сбила машина, не обнаружили.

Марина, собравшись с силами, сбегала к Лилии Сергеевне. Женщина, как ей показалось, не спала всю ночь, беспрестанно курила и потребляла чашку за чашкой крепчайшего кофе. Она подтвердила, что при Мише «дипломата» не было.

– Мариша, я давно хотела спросить... Зачем он ездил в Москву? – поинтересовалась Чеботарева. – У меня сложилось такое впечатление, что он работал над каким-то телевизионным проектом, но не хотел ничего говорить даже мне.

Марина, опустив взор, сказала:

– Мне тоже об этом ничего не известно. Миша мне ничего не сообщал...

Вернувшись домой, она долго размышляла над тем, что произошло. Конечно, если Мишу сбил автомобиль, то «дипломат» мог отлететь в сторону. Возможно, его подобрал какой-либо случайный прохожий, решивший взять себе. Но ведь там не было ничего ценного – ни денег, ни вещей, только бумаги и кассета! И Марина отмела этот вариант как маловероятный. Но если при Мише не было «дипломата» и он не успел еще зайти в «Останкино», то куда же делись документы? У журналиста не было необходимости сдавать «дипломат» в камеру хранения, ведь он направлялся на встречу. Следовательно, «дипломат» должен был находиться у него в руках. Последовало столкновение с автомобилем и...

И «дипломат» исчез! Марина представила себе – Миша падает, вокруг него смыкается толпа зевак и прохожих. И кто-то невзрачный, не привлекающий внимания, ничуть не стесняясь, подхватывает «дипломат» и, насвистывая, уходит прочь. Но, ради всего святого, для чего? Какова вероятность того, что около попавшего под колеса автомобиля Миши оказался вор, спонтанно решивший забрать «дипломат»?

Только кто сказал, что этот субъект принял решение именно спонтанно? Марина, холодея, вдруг все поняла – не было несчастного случая, а было преднамеренное убийство! Кто-то совершил наезд на Мишу, а его сообщник, отлично

знавший, где произойдет покушение на жертву, затесался в толпу, взял «дипломат» и скрылся в неизвестном направлении. Только зачем кому-то разыгрывать такой кровавый детектив?

Ну конечно, цель была одна – забрать у Миши компрометирующие документы, помешать ему передать их «взглядовцам» и, самое важное, избавиться раз и навсегда от назойливого журналиста. Тогда выходит, что гибель Миши напрямую связана с содержанием «дипломата». И с сочинской историей!

Марине стало плохо. Она вовлекла Мишу во все это, бездумно рассказав ему о том, что случилось два года назад на Черном море, и не помешав ему начать самостоятельное расследование.

Миша – еще одна жертва Дмитрия Евсеевича Гелло и его сына Кирилла! Наверняка партийный чинуша понимал, что если та история будет обнародована, да еще во «Взгляде», огласка приведет к серьезным для него последствиям – прокуратура начнет расследование, и, не исключено, он потеряет свое теплое место, а его сын отправится на долгие годы в тюрьму.

И Мишу... убили, чтобы скрыть правду? Его убили, потому что она не смогла держать язык за зубами? Его убили, дабы выгородить Кирилла и его дружков, чьи папы и мамы занимают высокие должности и принадлежат к советскому истеблишменту?

Марина включила телефон и набрала номер Лилии Сергеевны. Но еще до того, как произошло соединение, положила трубку. Что она скажет женщине – что напрямую виновата в смерти ее сына? Что если бы не ее история, то Миша остался бы в живых? Что она вовлекла его в расследование, не понимая, насколько оно опасно? К тому же доказательств, что Гелло причастен к гибели Миши, нет. Он позаботился, чтобы смерть журналиста была квалифицирована как несчастный случай. Ни о каком убийстве и речи нет!

* * *

Девушка просто не знала, как ей быть. Весь день она взвешивала «за» и «против», но к определенному выводу так и не пришла. Эта история слишком опасна, чтобы заниматься ею. И сама она, одна, уж точно ничего не сможет сделать. Но если «дипломат» с материалами оказался в руках Гелло, то он знает и о том, что на пленку записано ее признание?

День спустя Марине позвонила ее научный руководитель и попросила зайти в университет – требовалось обсудить последнюю главу диссертации. Марине сейчас было не до лингвистических проблем, однако – вот ведь где ужас! – жизнь продолжалась. Поэтому на следующий день к двенадцати аспирантка появилась в пустынных коридорах университета – сессия закончилась, продолжались летние каникулы, а у преподавательского состава период отпусков.

Профессорша одарила Марину странным взглядом из-под роговых очков, указала девушке на кресло около своего письменного стола, самолично закрыла дверь и, прокашлявшись, заговорила:

– Марина, мне надо серьезно поговорить с тобой...

Ее тон не предвещал ничего хорошего. Научный руководитель вначале принесла свои соболезнования в связи с гибелью жениха, посетовала на то, что несчастье произошло накануне свадьбы (как будто если бы Миша умер после свадьбы, то это изменило бы все в лучшую сторону), а затем положила руку на пачку листов и приступила к главному:

– Я должна сказать тебе, Марина... Понимаю, сейчас далеко не самый подходящий момент, но все же... Одним словом, твою диссертацию никак нельзя выносить на защиту!

Марина остолбенела. А профессорша, поправив на носу очки, продолжила:

– Поэтому, милочка, мы должны принять необходимые меры... то есть расстаться. Да, Марина, это единственный выход! Я уже имела беседу с ректором. Приказ о твоём отчислении из аспирантуры будет готов на днях.

– Ольга Сигизмундовна, но как же так... – пролепетала девушка, ничего не понимая. – Диссертация практически готова, осталось только написать заключение. Вы сами меня хвалили, говорили, что работа получилась крепкая. Да ведь и защита должна состояться в конце осени или в начале зимы...

Профессорша не терпящим возражения тоном заявила:

– Марина, спорить со мной не имеет смысла. Да, вначале я возлагала на тебя большие надежды, но потом поняла, что ты их не оправдала. Твоя диссертация... Тема банальна и давно исследована, а ты просто не в состоянии раскрыть ее должным образом...

– Тему утверждали на заседании кафедры, – вставила пораженная аспирантка, – и ее предложили именно вы, Ольга Сигизмундовна.

Научный руководитель упрямо тряхнула седыми кудрями.

– Марина, я не собираюсь дискутировать с тобой. Текст твоей диссертации – сплошная компиляция! Да, именно так! Ты списала практически слово в слово с чужих работ! Что очень легко доказать!

Марина попыталась возразить, но профессорша ударила рукой по пачке листов, как бы закрывая тему.

– Этот абсурдный спор ни к чему не приведет, Марина! Решение принято, и точка! И кстати, в связи со сложившимися обстоятельствами тебе придется подать заявление об увольнении по собственному желанию. Так будет лучше. Или ты предпочитаешь, чтобы тебя отчислили?

– И по какой причине? – спросила Марина. – Прогулы, аморальное поведение, пренебрежение служебными обязанностями?

Внезапно Ольга Сигизмундовна сняла очки, опустила в

кресло и устало произнесла:

– Милочка, пойми меня... Я против тебя ничего не имею, ты – одна из моих лучших аспиранток, а ведь у меня больше тридцати лет педагогического и научного стажа... Но так надо! Понимаешь, Марина, так надо! У меня был разговор с ректором, а тот говорил с кем-то из министерства... Тебе лучше знать, кому ты перешла дорогу, но приказ о твоём отчислении инициирован кем-то из Москвы. И не мне сопротивляться приказаниям из центра! В конце концов, я ведь тоже могу потерять свое место, а ради тебя, Марина, я не готова идти на риск...

Потрясенная девушка поднялась с места.

– Ольга Сигизмундовна, благодарю вас за откровенность. Но я не буду подавать заявление об уходе по собственному желанию. И не собираюсь принимать мое отчисление из аспирантуры как должное.

– Марина, не глупи! – всполошилась профессор. – Все равно ничего не добьешься! Я помогу тебе, найду работу в школе. Но о карьере в вузе забудь!

– Разрешите мне получить мою рукопись обратно, – холодно обронила Марина.

Профессор, услышав ее просьбу, вдруг проворно спрятала листы в ящик стола, заперла его на ключ и заявила:

– Нет у меня никакой рукописи!

– Но это же единственный экземпляр, отпечатанный на машинке!

– Разговор окончен, Марина! А теперь прошу покинуть мой кабинет. Подумай о моем предложении. Язык ты знаешь и, думаю, сможешь сделать карьеру в школе, завучем станешь...

* * *

Марина поняла, кто стоит за всем этим театром – конечно же, могущественный человек из Москвы, Дмитрий Евсеевич Гелло. Но если он думает, что легко сможет изничтожить ее, то жестоко ошибается! Она будет сопротивляться, сделает все возможное, дабы правда о смерти Миши стала известна общественности!

Родителям Марина о своих неприятностях пока ничего не сказала, а принялась сочинять письмо, которое намеревалась отправить лично генсеку. Решила – поедет в Москву и любыми путями передаст его Горбачеву. Только так можно победить Гелло...

Она трудилась над черновиком послания, когда в дверь позвонили. Марина открыла – и в квартиру шагнули два человека. Одного из них она знала, это был тип, забиравший ее с вокзала два года назад, когда она вернулась из Сочи. Другой был во всем подобен ему, тоже в темном костюме и с рыбьим, невыразительным лицом.

– Ну вот мы снова и встретились, Марина, – произнес старый знакомец. – Ты ведь помнишь меня? Меня зовут Нико-

лай Степанович. А это...

Его спутник ткнул Марине под нос удостоверением, на котором мелькнули жирные буквы «Комитет государственной безопасности СССР».

– Анатолий Иванович, – представил его Николай Степанович. – Ага, вот ты где, оказывается, живешь. Хорошая хата, хорошая... Подарок к так и не состоявшейся свадьбе, не правда ли?

И работник прокуратуры бесцеремонно схватил фотографию Миши, стоявшую на столике. Марина вырвала ее из рук наглеца со словами:

– Чему обязана вашим визитом?

– Что же, ты нам даже чаю не предложишь? – спросил Николай Степанович развязно. – Хм, радушная хозяйка называется! А мы ведь по твою душу, Марина, пришли. Но ты же уже, наверное, это поняла? Скажу честно, когда я говорил с тобой в первый раз, то подумал – вот ведь умненькая девчушка, все на лету схватила, с ней проблем уж точно не будет. И, оказывается, ошибся. С моим-то опытом!

– Ничего, и на старуху бывает проруха! – вставил его сопровождающий неприятным высоким голосом.

– Да уж, ты, Толя, верно заметил, – засмеялся добродушно Николай Степанович, усаживаясь на стул посреди комнаты. – Да, хатка отличная! Жаль, что я не могу своему сыну такую подарить. Он у меня женился год назад, а приходится парню ютиться вместе с молодой супругой вместе с нами, в

двухкомнатной хрущобе!

– Если потрясти хирурга Чеботарева и диктора Чеботареву, то можно много накопать, – заявил без обиняков Анатолий Иванович. – Хирург ведь подношения принимает. И, говорят, заливает за воротник. Его прижать можно запросто! А дикторшу... Отстранят от эфира, и дело с концом!

– Да и твои родители, Марина, могут всего лишиться в одночасье, – заметил, бесцеремонно закуривая, Николай Степанович. – У тебя здесь можно курить? Нельзя? Ну ничего, от пары сигареток еще никому плохо не стало.

И он стряхнул пепел прямо на белую скатерть.

– Подумай сама, Марина, – продолжил, пуская дым в потолок, наглец. – Всех твоих родственников – и настоящих, и несостоявшихся – легко уничтожить. Можно морально, а можно и...

Мужчины засмеялись, и Марина ощутила, что начинает дрожать, несмотря на жаркую погоду.

– Но на такие меры мы идем в исключительных случаях, – вступил в разговор Анатолий Иванович. – Например, когда какой-нибудь провинциальный журналистик, у которого молоко еще на губах не обсохло, вдруг решает поиграть в великого комбинатора. И создает проблемы для людей на самом верху!

– Значит, вы Мишу убили, ведь так?.. – выкрикнула Марина. – Его убили, потому что он хотел поведать правду о Гелло...

– Посмотри, Колян, какая она, оказывается, головастая, – ухмыльнулся гэбист. Голос его стал еще более неприятным. – Спрашивается, где твои мозги раньше были, курица ты мокрая? Ведь если б не болтала, то твой пацанчик до сих пор жив был бы.

И незваные гости снова загоготали. Марина не выдержала и бросилась на Анатолия Ивановича, но тот в момент скрутил ей руку, завел за спину и прошипел:

– Что, сломать? Это я очень хорошо умею. Причем потом неправильно срастется, на всю жизнь калекой останешься...

На глазах у Марины выступили от невероятной боли слезы.

– Ну-ну, Толик, побаловался, и хватит, – охладил пыл напарника Николай Степанович. – У нас ведь сейчас не тридцать седьмой год!

– А жаль! – бросил тот, отпуская Марину.

Девушка, чувствуя, что по щекам струятся слезы, пробормотала:

– Что вам надо? Я вызову милицию...

– Кого, милицию? – Николай Степанович приложил к уху ладонь. – Да мы сами твою милицию арестуем! Значит, так, Марина... Толик прав, в гибели своего хахаля виновата только ты. Тебя же предупреждали – ни о чем не болтать! Ты документы подписывала! И у нас имеются твои признательные показания. Хотели ведь как с человеком с тобой, а ты плюнула нам в душу.

– Дура, она и есть дура, – заметил Анатолий Иванович, грузно опускаясь на тахту и водружая ноги в ботинках на стол.

– Так что тебе, естественно, придется понести за свою несдержанность наказание, – добавил Николай Степанович. – Аспирантуры тебе не видать как своих ушей. И о карьере в вузе придется навсегда забыть. Можно, конечно, дать ход твоим признательным документам, тогда ты загремишь в колонию...

– Ты ведь любишь папку с мамкой? – перебил его гэбист. – Их судьба тебе не безразлична? А судьба этих, как их, Чеботаревых?

– Между прочим, с ними может всякое произойти, – промурлыкал, закуривая новую сигарету, Николай Степанович. – Скажем, еще какой-нибудь несчастный случай. А может, и настоящее убийство.

– Да, в тридцать седьмом году такого не было, – вздохнул с сожалением его напарник. – А таких, как ты, Зимина, называли врагами народа.

– Ну, это ты, Толик, загнул! – игриво воскликнул Николай Степанович. – Какой же она враг народа? Так, девчонка безмозглая, которую придется кое-чему поучить. А учить надо, как я нашу овчарку Лайму учил, когда она щенком еще была. Если кучу наложит дома, то носом тыкаю прямо в дермо. Тапочки или книжку какую раздерет – снова физическая профилактика. Так и с людьми надо, чтобы понимали!

– Ну что, ты все поняла, красавица? – спросил Анатолий Иванович. – Мы можем на тебя положиться или нет?

Марина затравленно молчала. Потом с трудом выдавила из себя:

– Я поняла...

– В тот раз ты тоже так говорила, – напомнил Николай Степанович. – А потом – казус. Даже на пленку признание свое идиотское записала! Тебе, конечно, никто бы не поверил, но шуму было бы много. А мы все в это дело замешаны. И если Гелло полетит, то и нам будь здоров как достанется. Но у меня же семья, дети, скоро вот внуки пойдут...

– Поэтому будешь молчать. Тебе ясно? – жестко заключил Анатолий Иванович. – В противном случае разговоров больше не будет. Твои родственники у нас под неусыпным контролем находятся. Чуть что, мы за отца твоего примемся. И его, для начала, избитым найдут в подворотне. Или на мамашу твою маньяк какой нападет...

– Сексуальный! – со смехом добавил Николай Степанович. – Извращенец и садист! А ведь у тебя еще и бабушка с дедушкой имеются? Старики могут заснуть, забыв плиту выключить, и угореть...

– Да, вариантов много, – самодовольно усмехнулся гэбист. – И даже незачем все их перечислять, ты ведь уж взрослая, да еще почти ученая, сама в состоянии сообразить. Тебя-то мы трогать не будем. Зачем? Хуже всего, если ты будешь еще долго жить, зная, что на твоей совести несколько

человек, погибших из-за твоего же длинного языка!

– Одного вот уже машина переехала, – вздохнул Николай Степанович. – Ну, пусть земля ему будет пухом! Когда, кстати, девять-то дней? Пригласишь нас-то? Хотя нет, я в отпуске буду. А на сорок дней обязательно загляну!

Марина знала, что не имеет права сейчас разрыдаться. Но колкие, жестокие, мерзкие слова привели к тому, что девушка не выдержала – и заплакала.

– Фу, нюни пустила! – с отвращением поджал губы Анатолий Иванович. – Я это больше всего ненавижу! И почему бабы думают, что слезами разжалобить могут?

– Ну, ей-то можно, все ж таки женщина, – благодушно возразил Николай Степанович. – А вот когда мужики плачут, это в самом деле гадко. Ну, Мариша, ты все поняла? Никаких глупостей, сиди тихо и вообще забудь обо всем. А то всем будет плохо! И заявление-то по собственному желанию ты напиши. Завтра же, чего kota за хвост тянуть. А то, не дай бог, чего приключится... Эй, уборная у тебя где? А то приспичило что-то!

Пару минут спустя мужчины наконец ушли, оставив в квартире тяжелый запах табачного дыма.

Марина зашла в туалет и увидела лужу на кафельном полу – подлец Николай Степанович пустил струю не в унитаз, а рядом, даже в такой мелочи продемонстрировав свое превосходство. Марина плакала, моя пол. Плакала, проветривая зал. Плакала, разрывая в клочья черновик письма, адресо-

ванный Горбачеву. Какая же она наивная! Никто ей не поможет, а письмо не достигнет адресата, попадет в руки к Гелло. И тогда...

Неужели эти типы правы и она виновата в смерти Миши? Ведь все могло быть иначе, и они были бы счастливы друг с другом, и жизнь шла бы совсем по-другому. Гелло и его подручные забрали у нее Мишу. И готовы причинить вред родителям, бабушке с дедушкой и Лилии Семеновне вкупе с Виктором Михайловичем. Шакалы не ведают пощады! И ей с ними ни за что не справиться...

* * *

Утром следующего дня Марина побывала в университете, где отдала заявление об увольнении по собственному желанию. А в конце недели в почтовом ящике она обнаружила конверт, в котором содержалась выписка из приказа о ее отчислении из аспирантуры с издевательской и лживой формулировкой – «за потерю связи с научным руководителем». Вот и все, поняла Марина. Ее счастливая жизнь закончилась. Наступали тяжелые времена.

Теперь надо было как-то объяснить произошедшее родителям. Марина решила, что правда только все усугубит. Да и зачем нагнетать обстановку? Поэтому она сообщила маме и отцу, что приняла решение приостановить работу над диссертацией и уволиться из университета. Те пытались пе-

реубедить дочку, доказывая, что смерть жениха, конечно, ужасная трагедия, но из-за нее не стоит перечеркивать собственную научную карьеру. Марина не могла сказать им, чем в действительности обусловлено ее решение, и это было хуже всего.

В Горьком ей было нечего делать – Миша мертв, о кандидатской пришлось забыть. И она подумала, что лучше ей уехать из родного города. Лилия Сергеевна, узнав о ее планах, долго уговаривала Марину передумать, а когда поняла, что не сумеет изменить решение девушки, сказала:

– Ну что же, я тебя отчасти понимаю. Если бы не моя работа на телевидении, я бы тоже покинула город. Буквально все здесь – каждая деталь, каждая мелочь! – напоминает мне о Мише. Да и Виктор совершенно отбился от рук. Он снова начал пить, и к добру это не приведет...

Марине так хотелось сказать правду хотя бы Лилии Сергеевне, но – нельзя.

– Ты уже знаешь, куда поедешь? – спросила несостоявшаяся свекровь. – В любом случае я помогу тебе с трудоустройством. Ведь у меня имеются друзья и знакомые во многих областях.

– Я отправлюсь в Москву, – ответила Марина.

Лилия Сергеевна пообещала, что постарается найти ей место на телевидении, но девушка возразила:

– Нет, у меня же имеется диплом переводчика и преподавателя... Я хочу устроиться в школу.

– На твоём месте я бы все же не стала забрасывать работу над диссертацией, – вздохнула Чеботарева.

Марина не стала говорить, что, по сути, у нее нет будущего. Будущее у нее украли, насильно забрали, вырвали с мясом. Быть может, она когда-нибудь смирится с тем, что Миши нет, но никогда не сможет смириться с тем, что его убили. И хуже всего, что девушка чувствовала себя виновной – виновной в его гибели. Если бы она ничего ему не рассказала, если бы она промолчала... если бы...

* * *

В конце августа Марина покинула родной город. Поезд доставил ее в столицу, и там она обратилась к однокласснице Чеботаревой (Лилия Сергеевна сдержала свое слово), которая занимала пост директора одной из специализированных столичных школ. Строгая дама внимательно изучила диплом Марины, узнала, что та училась в аспирантуре, и сказала:

– Если бы у вас было звание кандидата наук, то я, не задумываясь, приняла бы вас на работу. Впрочем... я понимаю вас, Марина Александровна. Эта ужасная трагедия просто в голове не укладывается! Я ведь знала Мишу с пеленок... Бедная, бедная Лиля...

Марине было невыносимо слушать замечания женщины, однако ничего другого не оставалось.

– Ну что же, я не могу отказать в просьбе своей старинной

подруге. Вы ведь для Лили как дочка... – перешла к делу директриса. – Так что с сентября можете приступать к работе.

Молодой учительнице пришлось многому учиться и многое схватывать на лету. Педагогический коллектив оказался дружным, и к Марине относились весьма благожелательно. Она преподавала английский и французский, а также велла факультатив – итальянский язык. Очень быстро девушка втянулась в работу, и только по вечерам и ночам, когда возвращалась в крошечную комнатку в общежитии, куда ее устроила тоже Лилия Сергеевна, снова оставалась наедине со своими горестными мыслями. Время, как много раз слышала Марина, лечит раны, но «лекарство» упорно не действовало – ни через несколько месяцев, ни через год она не смогла свыкнуться с мыслью, что Миши нет в живых. Часто она просыпалась от кошмарных видений – во сне снова «приходили» Надя и Вика, а теперь еще и Михаил.

* * *

Прошло полтора года. Марина полностью освоилась с работой, и ей даже доверили классное руководство – ребята были в восторге от своей Марины Александровны. Хуже всего обстояли дела с личной жизнью – Марина была совершенно одна. Симпатичный молодой физик и пожилой физрук подкатывали к ней с разными предложениями и приглашениями, но Марина всегда, ссылаясь на занятость, отвечала

отказом. Она чувствовала, что еще не готова к новым отношениям. И будет ли она вообще когда-нибудь готова отправиться на свидание с другим мужчиной?

В конце третьей четверти директриса на педсовете объявила:

– В мае у нас в школе будет важный гость, Председатель Совета Министров СССР товарищ Рыжков! Наш коллектив выбрали как образцово-показательный, и мы не имеем права ударить в грязь лицом!

Марине, собственно, не было никакого дела до визита партийного деятеля, который решил продемонстрировать свою близость к народу. Телевизора у нее не было, а в газетах она намеренно обходила политические колонки, потому что боялась наткнуться на ненавистное ей имя – Гелло.

Большой неожиданностью стало для Марины то, что директриса приняла решение – гость побывает на открытом уроке именно в ее классе.

– Марина Александровна, я на вас полагаюсь! – заявила она. – И я знаю, что вы оправдаете мое доверие. Волноваться вам не стоит, товарищ Рыжков вряд ли долго пробудет и уж точно не задержится на весь урок. Однако вы должны показать ему, на что способны наши ученики. Итак, необходимо разработать особую концепцию...

Марина с усердием принялась за подготовку открытого урока. Директриса ставила ее в пример и не могла нахвалиться, а девушка многое отдала бы за то, чтобы кто-то дру-

гой встретил члена Политбюро и показал ему, как школьники владеют иностранными языками.

Визит был намечен на середину мая – и действительно, сразу после праздников в школе начали готовиться к столь выдающемуся событию: коридоры заново покрасили, сменили линолеум, побелили потолки, вымыли окна. В класс, где товарищ Рыжков должен был внимать уроку английского, поставили новые импортные парты, стены украсили плакатами и лозунгами, а также портретами партийного руководства. Хуже всего, что в числе вывешенных бонз было и изображение Дмитрия Евсеевича Гелло. Марина старалась не смотреть на виновника своих несчастий, но глаза мужчины с фотографии, казалось, преследовали ее в любом уголке класса. В итоге Марина просто сняла портрет и запихнула его за шкаф – так-то лучше!

Директриса лично присутствовала на генеральной репетиции и осталась довольна – помимо важного гостя, школу посетят журналисты – как из газет, так и с телевидения. И директриса ужасно гордилась тем, что в программе «Время» появится репортаж о ее школе, в котором она сможет сказать, как ее заверили, несколько предложений в камеру. По такому случаю женщина заказала себе у модной портнихи новое платье, побывала в элитном косметическом салоне и у парикмахера.

За день до визита школьная начальница заявила с инспекцией в класс, чтобы проверить, все ли в порядке. Она

приказала убрать два цветка в горшках (по ее мнению, несколько увядших) и заменить их на другие, зеленые и пышные, из соседнего класса. Затем ее взгляд скользнул по стене – и Марина увидела, как на лице руководства возникла чрезвычайно недовольная гримаса.

– А где фотография товарища Гелло? – спросила она. – Я же помню, она висела здесь!

Марина пролепетала, что гвоздь не выдержал и портрет свалился.

– Что же вы меня не проинформировали, Марина Александровна? – всполошилась директриса. – Так, живо сюда нашего трудовика, он все в два счета устранил!

Когда трудовик появился, начальница велела повесить изображение Дмитрия Евсеевича в центре, рядом с портретом Горбачева.

– А не много ли чести? – спросила Марина. – Может, лучше поместить рядом с генсеком изображение нашего гостя? Ему это должно польстить...

– Ах, вы же еще не знаете! – взмахнула руками директриса. – В программе визита произошли некоторые изменения. К нам в гости приедет не товарищ Рыжков, а товарищ Гелло. Я сама узнала об этом только вчера. Впрочем, посещение Дмитрия Евсеевича для нас не меньшая честь! Заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Политбюро, ближайший соратник Михаила Сергеевича...

Марина стояла словно оглушенная и молча следила за

тем, как трудовик перемещает фотографии с места на место по приказу директрисы.

– Гелло... Он будет здесь... – произнесла она хрипло.

Начальница подтвердила:

– Да, а вместе с ним и сам министр образования! Вы только подумайте, Марина Александровна, подобное бывает только раз в жизни! Так что не подведите меня! А теперь чуть вправо... Шеварднадзе можете пока убрать... да, его туда, к Лукьянову...

* * *

Марина не могла заснуть всю ночь, но вовсе не из-за того, что была взволнована визитом важных лиц. Она встретится с ним лицом к лицу! С ним, с Дмитрием Евсеевичем Гелло, отцом Кирилла!

Утром, взглянув на себя в зеркало, Марина поняла, что плохо выглядит. Директриса, облаченная в шикарное платье и благоухавшая французским парфюмом, истолковала ее вид неверно:

– Ну, Марина Александровна, не стоит так переживать, все пройдет как по маслу!

Делегация прибыла около полудня – сначала двор школы заполонили неприметные мужчины в темных костюмах, а затем на территорию въехали правительственные «Чайки». Из первой появился министр образования, а из второй – ва-

льяжный Гелло. Марина наблюдала за происходящим из окна класса, – вот он, человек, лишивший ее лучших подруг и жениха... И пускай он не убивал никого лично, все равно на его руках кровь многих людей! И такой тип занимает одну из самых высоких должностей в стране! Просто немыслимо! Хотя почему же, ведь, собственно, и раньше государством управляли палачи – взять того же Ивана Грозного или Сталина с его сатрапами...

Коридоры были наводнены журналистами и репортерами. Марина обвела взглядом притихших учеников – каждый знал свою роль наизусть, вопросы и ответы были заранее согласованы, и открытый урок был всего лишь имитацией подлинного учебного процесса.

Вот в класс вошел министр, около которого семенила подкивающая директриса, а чуть в отдалении – Дмитрий Евсеевич Гелло. Оба гостя поздоровались, и Марина почувствовала, что ей не хватает воздуха. Гелло находился всего в нескольких метрах от нее – он был невысокого роста и значительно круглее, чем на своей отретушированной фотографии, с двойным подбородком и крошечными, глубоко посаженными глазками, над которыми кучерявились прямо-таки брежневские брови.

Дмитрий Евсеевич, как заметила Марина, обвел взглядом класс, увидел собственную фотографию рядом с генсеком Горбачевым – и тотчас на толстых губах гостя заиграла плотоядная улыбка. Директриса чуть заметно кивнула Марине.

Гости опустились в специально приготовленные кресла, и молодая учительница начала урок.

Все шло по строго выверенному плану: ученики блистали знанием английского, Марина механически задавала вопросы, ребята столь же механически отвечали на них. «Показательные выступления» заняли не более четверти часа – министр и директриса внимательно следили за происходящим, а вот Гелло откровенно скучал и даже несколько раз зевнул. Наконец короткий урок подошел к завершению.

Первым произнес пространную речь министр, а потом эстафету перенял Дмитрий Евсеевич. Встав, он сказал:

– Вы знаете, у меня есть сын и дочка – Кирилл и Анжела...

Марина шумно вздохнула, что вызвало гневный взгляд директрисы.

– И они, как и вы, уделяют большое внимание иностранным языкам. Моя дочка не так давно защитила кандидатскую диссертацию и работает сейчас над докторской...

Еще бы, мелькнуло в голове у Марины, ведь перед ней расстилают красную ковровую дорожку, и никто не отчисляет ее из аспирантуры под надуманным предлогом.

– А мой сын, Кирилл, – в голосе Гелло зазвучали задушевные нотки, – отлично владеет английским, немецким и шведским. Я очень горжусь своими детьми, и вы сами видите, что надо хорошо учиться, дабы стать настоящим коммунистом!

Секунду или две Марина боролась с собой – что, если пря-

мо сейчас во всеуслышанье заявить о том, что сын Гелло преступник, насильник и убийца? И что сам Дмитрий Евсеевич его покрывает, обманывая закон и общественность? Только к чему это приведет – все равно у нее нет ни единого доказательства!

Поэтому Марина сдержала порыв, а высокие гости тем временем покинули класс. За ними отхлынули и журналисты. Ну вот, все осталось позади. Только на душе было мутно. Как будто она предала Вику, Надю и Мишу во второй раз.

Появилась запыхавшаяся завуч.

– Марина, гости хотят тебя видеть! Ну, живее, живее! Они не могут ждать!

Марина последовала за завучем. Они оказались в школьной столовой, причем в специальном, не для обычных смертных, помещении, в котором устраивали свои сабантуи учителя по большим праздникам. Там был накрыт шикарный стол – белоснежные накрахмаленные скатерти, сверкающее серебро, старинный фарфор (и откуда только что взялось?). И яства, какие там были яства! Ни ученики, ни учителя такого давно и не видели даже. Наверняка директриса задействовала все свои связи, чтобы угодить высоким гостям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.